

BLACK & RED

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Степанова

Black & Red

«ЭКСМО»

2009

Степанова Т. Ю.

Black & Red / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2009

Ради любви... На что можно пойти ради любви? Катя Петровская, капитан милиции, сотрудница пресс-центра УВД, вспомнила залитую кровью лестницу, пакет с его жутким содержимым в руках эксперта, заросшую крапивой канаву, нагнувшиеся до земли ветви яблонь с червивыми плодами, темную фигуру, всем своим весом налегающую на веревку, перекинутую через сук. Лицо, искаженное бешенством... Так на что можно пойти ради любви?.. Принимая участие в расследовании дела об убийстве двух молодых женщин, Кате пришлось заглянуть в черный омут человеческой души. Соприкоснуться с самым запретным, самым темным... И убедиться – реальность иногда превосходит самые страшные сны...

© Степанова Т. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Степанова

Black & Red

Глава 1

Императорская охота

Февраль 1973 года

Смеркалось, вьюжило, секло ледяной крупой с февральского неба. Кружило, швыряло жгучими пригоршнями в лобовые стекла грузовиков, натужно ревущих на крутых подъемах в гору. По старой Смоленской дороге ползли те грузовики – мимо, мимо, все дальше, дальше. Мимо леса, заснеженного, дремучего, погруженного в оцепенелый сон, в который как в смертную летаргию впадают в зимнюю пору одни лишь заповедные, закрытые, заказанные для посещения боры, рощи, пуши.

Со Смоленской дороги вводила в глубь леса просека, и у тех, кто мчался по шоссе, появлялось при виде ее порой странное щемящее чувство – словно в НИКУДА вела эта лесная дорога. И где, в каких дебрях терялась она, не ведала даже ушлая прожженная шоферня, знавшая назубок все окрестные проселки, бетонки, грунтовки и большаки.

Оранжевое солнце цеплялось из последних сил за сосны, медля заканчивать день. На просеке и в лесу было не так ветрено, как на шоссе.

В снегу – свежая глубокая колея. Ели, сосны, сорока-воровка, стрекочущая, орущая прорва, дозорный заповедного леса от непрошенных вторжений.

И как будто из ничего – из снега, из вьюги возникший поперек просеки полосатый шлагбаум. А возле него два бронетранспортера болотного цвета. И тут же вдоль дороги солдаты с автоматами.

А еще дальше снова бронетранспортер. И снова солдаты. Несколько офицеров в форме, люди в штатском, одетые тепло по февральской погоде – в полушубки, валенки, шапки-ушанки. Зеленые «уазы» с пятнистым маскировочным верхом. А еще дальше – огни, огни, огни строений, скрытых в самой чаще заповедного леса, имеющего статус государственного охотничьего заказника.

И – вереница черных правительственных лимузинов, похожих на гигантские галоши, забытые в этих местах кем-то когда-то...

Дальние выстрелы – как хлопки петард: бах! Ба-бах! Запах дыма бивачных костров. И месяющий гусеницами снег и грязь трактор, с треском и грохотом что-то тянущий за собой на длинных крепких веревках. Что-то темное, громоздкое, оставляющее на снегу кровавый след.

Запах дыма.

Запах пороха.

Запах крови.

– Здоровые черти! Ну а этот всем боровам боров. Центнера на три потянет. Этого надо было на поляну, пускай бы себе сало делили, тешились. Кто его приложил?

– Немец, у него карабин видали какой? Бельгийский.

– Он бельгийский принципиально в руки не возьмет, вы что? Тем паче когда сюда, к Самому в гости едет. Свой у него карабин – немецкий, ихний отечественный.

– В Восточном фатерлянде такие марки не делают.

– Много ты знаешь, Щеголенко.

– Я что, по-твоему, в стволах не разбираюсь? Десятый год при этом самом деле состою. При красной императорской охоте.

– Ты болтай, Щеголенко, да не заговаривайся. У товарища Хонеккера оружие отличного качества, причем их собственного производства. Завод под Берлином, я каталог смотрел – ребята из Германии привозили.

Возле заглохшего трактора на поляне, со всех сторон окруженной лесом, – егеря, лесники. Тут же в забрызганных кровью, мокрых от снега охотничьих куртках офицеры охраны, суеющаяся обслуга гостевого охотничьего дома. На снегу – туши мертвых кабанов, славные охотничьи трофеи. Бурые шкуры, вздутые животы, задние ноги обмотаны веревками, чтобы волочить трактором было удобно.

Егерь Щеголенко в накинутах на плечи полушубке, достав из-за голенища нож, склонился над тушей самого крупного кабана, раздвинул задние ноги, ловким движением рассек промежность и вырвал, вырезал что-то с треском. Брызги крови фонтаном. В морозном воздухе разлилось зловоние.

– Давай вира по малой, волокни, пусть порадуются, разделят! – крикнул он трактористу, и трактор, взревев мотором, пополз по просеке в глубь леса, откуда тянуло дымом костров.

– Как тут у вас? Все готово? – К егерям подлетел запыхавшийся офицер охраны Ермалюк. – Давайте живее. Ждут.

– Ну, как там настроение-то? – спросил старший егерь. – Довольные хоть?

– Сам доволен. Веселый, шутит. Немец и румын тоже ничего, хоть и замерзли как цуцики. А венгр этот, товарищ Кадар, смурной. Не пойми чего ему надо – уж это разве не охота была? Одних свиной завалили пятнадцать штук.

– Ежели бы я их три месяца солью не прикармливал, хрен бы они хоть одного поимели, стрелки, – пробормотал егерь Щеголенко.

– Что? Разговорчики. – Ермалюк приблизился к нему вплотную. – Что-то больно болтать стал. Я давно уже замечаю. Давно к тебе присматриваюсь.

– Не связывайся ты с ними, – нервно шепнул Щеголенко старший егерь. – Сколько раз тебе говорил, они ж охрана, как псы, им везде все такое чудится, мерещится, чего и не было никогда ни у кого. Не дразни лихо, пока оно тихо. Чего тебе с ними делить? Сам тебя любит, отличает, возит вон всегда с собой, ты у него на охоте главный мастер, а им, конечно, завидно такое твое положение. А ты помалкивай себе.

– Да я и так молчу. Сказать уж совсем, что ли, ничего нельзя? – Егерь Щеголенко вспылел.

Гул трактора в чаще. Сорочий заполошный стрекот. Багровые полосы на снегу.

Егерь Щеголенко вытер окровавленную финку и спрятал ее снова за голенище. Когда выпрямился, краем глаза засек какое-то движение справа в ельнике, окружавшем поляну. Обернулся, всматриваясь, нет, померещилось. Тень среди снега и темных стволов... Нет, и правда померещилось.

– Закругляйтесь тут по-быстрому, – распорядился Ермалюк. – Леонид Ильич просил всех поблагодарить, всех без исключения. Молодцы, говорит, постарались. Так что молитесь бога...

– Что? – Егерь Щеголенко обернулся к нему.

– Моли бога, говорю, придурок.

– Что ты сказал, повтори.

– Эй, эй, эй, вы что, очумели? Сашка, замолчь, остынь, я сказал! – Старший егерь вклинился между ними. – Слушай, это, майор, ты тоже... того... Значит, поблагодарил Сам-то? Вот и хорошо, выходит, потрафили, угодили. Ну а это... А дальше-то что? Останутся они или как? У нас в гостевом доме будут или...

– Или. Уезжают. Там секретарь обкома уже часа полтора как дожидается по стойке «смирно». – Офицер охраны в чине майора, как было известно егерю Щеголенко, усмехнулся. –

В доме приемов в Соргино будут ужинать, там все уже готово, так что вы тут можете отбой бить во все склянки. И давайте закругляйтесь здесь. И ты тоже давай закругляйся, – бросил он хмурому Щеголенко.

Снег. Запах хвои.

Запах дыма.

Запах крови.

– Айда девятый квадрат еще пройдем с тобой, глянем, – предложил старший егерь, явно стараясь увести ершистого Щеголенко с поляны. – Может, осталась там какая животина неучтенная. Пальба-то какая с вышек шла, точно канонада.

Они углубились в лес. Миновали одну из деревянных охотничьих вышек. Снег под ней был истоптан. Всюду валялись стреляные гильзы, окурки.

– Да, охота, – вздохнул старший егерь. – Любят они это дело. Вот и до смоленских лесов добрались. В прошлый-то раз в Беловежскую Пущу ездили. А осенью к чеху в Карпаты. А в Югославию Ильич тебя с собой брал?

Щеголенко кивнул. Он снова оглянулся. Ему опять почудилось там, сзади, среди снега и ельника, какое-то движение. Подозрительное движение, какое-то странное, рваное, неровное, лишенное пластики, присущей любому дикому животному.

– Ты чего, Саш?

– Ничего, так. Броз Тито тот еще стрелок, хотя и старик уже совсем.

– Там с флажками охота была, кажется, да? Ну, конечно, потешились всласть. Про флажки-то здорово этот хрипчатый поет...

– Кто? – спросил Щеголенко.

– Ну этот, как его... Высоцкий, что ли. Тот, что на Колдунье женился. Тут на днях Вальке Купцовой, ну, что на пульте охраны у нас сидит, Жеребенко две катушки записей новых при-волол.

– А что, Валька до сих пор еще того, работает? Ей же рожать вот-вот...

– Да, видно, еще терпимо пока. Интересно, кто ж ей это удружил? Молчит! Уж к ней и парторг подступал, я слышал, просил настоятельно имя отца ребенка назвать. Ведь это явно из наших кто-то ее в койку-то... А она молчит, не признается, ни гугу никому. А на работу выходит, сидит себе в своем закутке. У нее ж там техники навалом, пульт, прослушка, ну и магнитофон, конечно, импортный. Так вот записи с концерта этого хриплого. Мы прямо животы надорвали – там и про дурдом, и про Зинку, и про евреев – про все поет. И про охоту тоже. Про охоту на волков. Строка там прям в самую точку – мол, бьются до рвоты и волки, и егеря... И пятна красные флажков на снегу...

– Слушай, что это там, по-твоему, а? – тихо сказал егерь Щеголенко.

– Где?

– Вон, за сосной.

Старший егерь взгляделся. И... то ли снег был тому причиной, то ли блики закатного солнца, то ли тени февральские фиолетовые колдовские, но почудилось ему... Почудилось такое, что прошиб его пот.

Под старой сосной в снегу лежало тело. Старший егерь ясно увидел выброшенную вперед руку со скрюченными, сведенными судорогой пальцами.

«Подстрелили... Так и есть, мать моя женщина, прикончили кого-то... Вот те и случай на охоте... Вот тебе и благодарность... Мать моя, это ж дело подсудное – убийство».

От волнения он аж зажмурился. Услышал хруст снега и удивленное восклицание Щеголенко. Открыл глаза, ожидая, что вот сейчас все это обрушится на его голову как лавина (ведь за организацию охоты и расстановку людей в лесу отвечал лично он). Скрюченные пальцы, впившиеся в снег, лицо мертвеца и...

Рука, которую он так ясно видел, видел даже с зажмуренными в приступе острой паники глазами, обернулась волчьей лапой с когтями.

Под сосной в снегу лежал труп огромного волка со свалывшейся на боках шерстью странного изжелта-бурого, совсем не зимнего, а какого-то непонятного окраса.

Старший егерь, человек бывалый, отважный, сначала остановился как вкопанный. Потом попятился. Затем взял себя в руки. Ладно, чего не бывает на охоте. Тем более такой – полной амбиций, нервов, надежд – великой красной императорской охоте, где пестрит в глазах от генсеков из братских стран Варшавского блока, где не дай бог ошибиться, напортачить, не суметь угодить, не дай бог прогневить Самого Главного Генсека, который так любит охоту и все, что с ней связано.

Рука со скрюченными пальцами, впившимися в снег, – он же видел ее своими собственными глазами. Что же это он, ослеп? Или на какое-то мгновение сошел с ума? Отключился? Сорвался с катушек?

А сейчас перед ним широкая волчья лапа с кривыми когтями. И волчья морда, ощерившая клыки.

– Ни хрена себе. – Егерь Щеголенко обошел вокруг, утаптывая снег. – Вот это зверюга, прямо тигр, а не волк, сколько ж в нем от морды до хвоста-то? Черт, ружье бы сюда, смеяться... И откуда тут ему взяться? Вообще-то в заказнике волки есть, как не быть им, но... Да и с лесником здешним мы говорили на этот счет, он ничего такого... Эй, ты чего это?

– Ничего. – Старший егерь слотнул ком в горле. – А ты, Саш... это... Ты лучше отойди, не трогай, не касайся его!

Щеголенко с изумлением воззрился на коллегу. Чего это он орет? Ну ЧП, конечно, во время кабаньей охоты волчина из лесу выскочил. Ну и напоролся на пулю. Кто же это его уложил? Крови вроде не видно. Значит, с одного выстрела сняли. Чей же это трофей? Товарища Хонеккера, или товарища Кадара, или товарища Чаушеску? А может, Сам ему пулю в башку вlepил из оптической дальнобойной?

– Крови вроде не видно, – вслух повторил Щеголенко.

– И следов тоже, – хрипло сказал старший егерь. – Ни волчьих, ни чьих кругом.

– Откуда бы ему тут взяться? – Щеголенко нагнулся.

Волчий глаз – тусклый, желтый, мертвый. Разинутая пасть, точно в приступе смертной зевоты. И клыки, такие клычищи... Ах ты, волк-волчище, государь ты наш, волк, батюшка, император зимнего леса...

– Слушай, его бы сфотографировать да смерить, хорош собака, на чучело сгодится. Как Самому-то потом доложим, что вот, мол, во время охоты был добыт и скорее всего вами, – егерь Щеголенко усмехнулся. – Ты давай сходи, позови сюда наших, и фотоаппарат пусть захватят. А я его покараулю, а то, видишь, снег какой, пока туда-сюда мыкаемся, тут все заметет, не найдем потом ни хрена.

– Саш, черт с ним совсем, пойдем оба отсюда, – старший егерь потянул его за рукав.

– Да ты что? Иди, я тут побуду, веревкой ему лапы задние завяжу и, может, вон на тот сук вздерну, – Щеголенко указал на сосну. – Сподручнее фотографировать будет, весь метржаз налицо, а то в таких сугробах неловко.

Прежде чем нырнуть в заросли, старший егерь обернулся: вот такое расстояние отделяло его тогда от сосны, когда он так ясно увидел в снегу тело и руку, белую бескровную кисть, пальцы, скрюченные, как когти. И что же видно сейчас ему отсюда, с этого безопасного расстояния? Видна сосна, виден Щеголенко, разматывающий веревку, и... Видно что-то темное, бесформенное в снегу, что-то непонятное, неподвижное, бездыханное, мертвое. Не человек, не зверь, не волк. Трофей?

Щеголенко помахал ему: ну что же ты, торопись, не до ночи же тут торчать? Ну, уж конечно, не до ночи.

НЕ ДАЙ МНЕ БОЖЕ ОКАЗАТЬСЯ ТУТ В ЛЕСУ НОЧЬЮ...

Старший егерь, тяжело дыша, проваливаясь в глубокий снег, напролом сквозь кусты ринулся назад за подмогой. Туда, где все так привычно, знакомо – дым костров, говор, смех, гвалт, туда, где люди, охрана, солдаты, бронетранспортеры. Щеголенко просил рулетку и фотокамеру. Сейчас он направит туда людей из охотхозяйства, пусть и занимаются этим волком. Пусть потом охрана доложит Самому, а уж Сам решит, на счет кого из высоких партийных гостей записать знатный трофей. А он, старший егерь, НИЧЕГО ТАКОГО ОСОБЕННОГО не видел. Просто померещилось от напряжения, от усталости, давление, наверное, подскочило, и приключился какой-нибудь сосудистый спазм, вызвавший глюк, видение.

Волчья лапа с кривыми когтями, похожими на крючья. Полоснет такая лапа, с живого скальп снимет, пикнуть не успеешь...

Впопыхах старший егерь сделал то, что до этого не делал никогда в жизни, – сбился с курса, забрал немного вправо. Поляна, где считали кабаньи трофеи, оказалась в стороне.

Оранжевое солнце падало в безвременье, опускалось за край земли – в смоленские снега, в темную ночь. Сумерки сгущались. Со стороны гостевого дома по шоссе в направлении шлагбаума, бронетранспортеров, охраняющих въезд-выезд с территории охотничьего заказника, медленно двигалась вереница черных правительственных лимузинов. Высокие гости отбывали восвояси.

А примерно в километре от главной дороги, ведущей в охотхозяйство, на лесной просеке вот уже почти четверть часа натужно буксовала в снегу «Скорая помощь». Пока весь личный состав обеспечивал в лесу «охотничьи мероприятия», в гостевом доме случилось в общем-то ожидаемое, но весьма несвоевременное ЧП. У старшего лейтенанта роты охраны зданий Валентины Купцовой (той самой, которая слушала на казенном магнитофоне записи Высоцкого) начались родовые схватки. Роды были явно преждевременные, но делать было нечего: дежурный срочно вызвал из райцентра «Скорую». «Скорая» примчалась, но вместо бригады акушеров за роженицей прибыл один лишь молоденький медбрат.

Старшего лейтенанта Купцову повезли в местный роддом. Но на просеке «Скорая» застряла среди ухабов и сугробов. И некому, некому было помочь в заповедном лесу. Шофер, матюгаясь, жал на газ. Роженица, вытянувшаяся на кушетке, застеленной клеенкой, стонала, кусала губы, крепилась, крепилась, глотала слезы, терпела, терпела... И вот, не в силах больше сдерживаться, визгливо, страшно заорала.

– Потерпите, прошу вас! – Медбрат, испуганный, взъерошенный, выскочил на снег с намерением подтолкнуть застрявшую машину.

Выскочил и увидел старшего егеря, которого, наверное, сама нелегкая занесла так далеко от поляны – сюда, на глухой проселок.

– Помогите! У нас женщина рожает! – медбрат замахал руками.

Старший егерь подбежал – задыхающийся, мокрый от пота. Он был рад... черт возьми, никогда в жизни он не был так рад, так счастлив увидеть... эту вот воняющую бензином жестянку, этого пацана в белом халате... он был счастлив безмерно, что...

ЧТО ВСЕ ЭТО было НОРМОЙ. И он сам был в норме. А тот сосудистый непонятный спазм там, в лесу, та сосна и то, что валялось в снегу под ней, мертвая падаль, эта тварь...

НИЧЕГО ТАКОГО НЕ БЫЛО. ОН НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ. ПРОСТО ПОМЕРЕЩИЛОСЬ СО СТРАХА.

– Раз-два, взяли! Еще раз взяли! – с ходу вместе с медбратом старший егерь налег плечом на кузов «Скорой». – А ну давай, давай, давай, еще, еще!

– Ничего не получается, – санитар сдался первым. – Намертво завязли!

Из «Скорой» послышался крик роженицы.

– Бегите за помощью, – медбрат ринулся внутрь. – Ее надо срочно в роддом, я тут один не справлюсь.

Итак, помощь требовалась уже не только Щеголенко, и старший егерь наддал ходу.

Старший лейтенант Купцова снова отчаянно и страшно закричала от боли. И вопль этот, вой лес усилил зимним эхом стократно.

Егерь Щеголенко резко выпрямился. Что это было? Там – далеко, а может, близко. Кажется, со стороны дороги, а может, и в чаще. Так кричит жертва в лапах хищника, когда он, этот хищник лесной, бросается из засады, всаживая клыки в живую плоть.

Откуда взялся тут этот волк, размером с хорошую телку? Слишком крупный даже и для заказника?

Щеголенко обмотал задние ноги волка веревкой, затянул крепкий узел, попробовал веревку. Выдержит вес? Ничего, выдержит. На дерево вздернуть трофей – оно даже к лучшему. Сейчас темнеет уже, когда там еще напарник с фотоаппаратом обернется. Не фотографировать же для личного охотничьего альбома генсека при фонарях? Завтра с утра вернемся сюда, сделаем снимки качественные. А волк ночь повисит таким вот макаром, как висельник, зато никакие падальщики навряд ли до него доберутся.

Щеголенко зашел сзади и потянул за веревку. Потом примерился, размахнулся и перекинул свободный конец через сук, нависший над поляной.

И тут над лесом пронесся снова тот странный звук – крик, вой. И лес его снова услышал и принял, усилил, а затем заглушил, оборвал порывом ветра.

Щеголенко, напрягшись, потянул веревку на себя. Тело волка в снегу дрогнуло, подалось. Задние лапы, стянутые путами, приподнялись. Это Щеголенко видел. Он не видел другого: мертвые зрачки в желтых мертвых волчьих глазах, припорошенных снегом, внезапно сузились, а потом расширились, полыхнув черной искрой.

Эх, взяли! Еще раз взяли!

Тело висело на сосне, слегка раскачиваясь. Щеголенко закрепил веревку вокруг ствола. Передние лапы болтались примерно в метре от земли. Голова волка была на уровне лица Щеголенко. Он смотрел на трофей. Затем потянулся к волчьей морде, хотелось пощупать мех, дотронуться до оскаленных клыков.

«Милый друг, наконец-то мы вместе, ты плыви, наша лодка, плыви. – Лесную тишину вспорола песенка, эстрадная птичка-невеличка из включенного на полную громкость транзистора. – Сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви».

Сердцу хочется...

К сосне, к Щеголенко, к волку-трофею из заснеженных зарослей шагнул тот самый майор охраны Ермалюк – охотничья куртка на одном плече, как ментик гусарский, на шее транзистор болтается, в руке – пистолет (для офицера охраны с ним привычнее даже на охоте).

– Это еще что за дрянь? – спросил он громко, распространяя вокруг крепкий коньячный запах (улимонили высокие гости на черных лимузинах, пора себе и это самое позволить, маленько нервы расслабить).

– Не видишь, что ли, волк. Случайно подстрелили.

– То есть как это случайно? – Майор Ермалюк подошел к трофею, оглядел. – А кто разрешил?

– Никто не разрешал, он сам откуда-то выскочил, ну и под выстрелы с вышек, видно, попал. – Щеголенко чувствовал злость и досаду.

– Кто разрешил, я тебя спрашиваю! Правительственная охота, все мероприятия согласованы, объекты утверждены, а тут это... эта вот дрянь, хищник. – Майор Ермалюк резким жестом ухватил вздернутого на сосну волка за вздыбленный загривок.

«И хорошей большой любви», – прохрипел транзистор, и это было последнее, что услышал лес, окруживший их стеной со всех сторон.

Тело, вздернутое на дыбу, изогнулось стальной пружиной. Щеголенко увидел огромную волчью лапу с кривыми когтями, она рассекла воздух, как теннисная ракетка, и ударила наотмашь...

Фонтан крови из разорванных шейных артерий взвился вверх, и что-то круглое, как мяч, живое, орущее от боли, а через секунду уже мертвое было отброшено и покатилося, покатилося по снегу, пятная его алым.

Голова майора охраны отлетела к ногам Щеголенко, а тело майора охраны мешком свалилось на землю.

Затрещала натянутая веревка и оборвалась, лопнула как струна. Щеголенко упал навзничь и не успел подняться: НЕЧТО обрушилось на него сверху, вгрызаясь клыками в горло, забивая распяленный в крике рот вонючей звериной шерстью...

Когда трое лесников заказника под предводительством старшего егеря в ступившихся сумерках вышли на поляну к сосне, транзистор в снегу все еще играл: передавали эстрадный концерт. «А нам все равно, а нам все равно, пусть боимся мы волка и...» – пел Юрий Никулин.

Ремешок транзистора почернел от крови. Один из лесников, увидев то, что предстало их взору, согнулся пополам в неудержимом приступе рвоты.

Обезглавленное тело, обмотанный ремешком транзистора кровавый обрубок шеи, сведенная судорогой рука, сжимающая табельный пистолет...

Старший егерь споткнулся о труп Щеголенко. У него было разорвано горло. На снегу багровела лужа натекшей крови.

На ветке сосны над их головами болтался обрывок веревки.

– Оба мертвые, Щеголенко Сашка... я же только что... полчаса назад тут, – старший егерь затравленно оглянулся. – А где волк? Где следы? Где волчьи следы?!

И словно в ответ ему эхом бабахнул в лесу далекий выстрел.

– Это на просеке, там, где «Скорая» завязла, ты ж туда солдата из охраны на тракторе направил! – крикнул один из лесников, сдергивая с плеча карабин.

Они мчались, не разбирая дороги, и лес, каждый квадрат которого они все знали как свои пять пальцев, выглядел так, будто это был совсем другой лес, лес-незнакомец, чужой лес. Сумерки ли тому были виной или их собственное душевное состояние, а может, проделки лешего, который порой куролесит даже в суперзакрытых правительственных сверхохраняемых охотничьих угодьях? А может, это были проделки и еще кого-то, имени которого лесники – люди бывалые, отважные, ходившие и на кабана, и на волка, и на медведя, – не поминали всуе.

Просека была уже почти вся скрыта тьмой. Единственным пятном света были фары трактора, который, урча мотором, отчего-то съехал в кювет. Посветив в кабину фонарем, старший егерь увидел там белое от страха лицо водителя. Потом оказалось, что это водитель «Скорой помощи», бросивший свою машину и закрывшийся в тракторе.

Двери «Скорой» были распахнуты настежь. Под колесами лежал медбрат – лицо его было ободрано, на плече зияли рваные раны. Но он был жив, дышал.

Внутри, в кузове «Скорой», в свете фонаря плясали снежинки. Старший егерь увидел женщину на больничной клеенке и с трудом узнал ее: неужели это Купцова – Валя Купцова? Внизу, на полу, что-то пискнуло, закричало, а потом закричало надсадно и громко, оглушая, требуя спасения.

Это был новорожденный младенец. Потрясенный старший егерь скинул с себя охотничий бушлат и завернул в него голое сморщенное тельце, оно дергалось в его руках, извивалось, как червяк, и орало, орало...

Медбрата вытащили из-под колес, лесник прижал к его губам фляжку с водкой, тот глотнул, закашлялся. Два исполненных ужаса глаза глянули на них.

– Где ОНО?

– Что? Кто? Что тут было? Кто вас ранил? Где наш человек, который приехал за вами на тракторе?

– Я... я не знаю, что это было. Оно выскочило из леса и ворвалось к нам. Я роды принимал, роды начались преждевременно, и я делал все возможное... Оно отшвырнуло меня прочь...

– Мы слышали выстрел. Где наш человек?

– Он стрелял в него, не знаю, попал ли... Оно утащило его в лес...

– Оно? Волк, ты это хочешь сказать, парень?

– Я не знаю, может, и волк... Оно было огромным, обросшим шерстью, оно сначала было на четвереньках, а потом... потом оно... господи боже... Оно убило ребенка?

Из «Скорой» послышался детский писк.

– Никаких следов! – крикнул один из лесников, шаря лучом фонаря по окружающим просеку сугробам. – Я не нашел никакого следа – ни из лесу, ни назад в лес!

А снег все падал, падал. Свет от включенных фар трактора упирался в стену леса. Дальше тьма была непроглядной. Мотор трактора работал вхолостую, и только один этот механический звук внушал хоть какую-то уверенность, возвращая к реальности.

Наши дни

А что есть реальность? Нечто, данное нам в ощущении, а может, в снах о прошлом? Нечто, что мы можем слышать, обонять, осязать, даже когда глаза наши закрыты, а сердце как обручем стиснуто ужасом, трепетом, сумасшедшим восторгом, безумием?..

Рев мотора.

Запах бензина.

Вкус крови из прикушенной губы.

Это ли не есть самая настоящая и единственная реальность? Вкус собственной крови... Единственная нить, связывающая вас с внешним миром, когда глаза ваши закрыты, а память подернута мглой? Снежинки, пляшущие в пятне желтого света, ледящий холод, которым встретил вас этот мир тридцать пять лет назад...

Просеки никакой не было и в помине. Было шоссе, были сумерки, на фоне леса тлели дорожные фонари. Где-то совсем близко дачная подмосковная станция Узловая. Туда подходила электричка. А по шоссе мчался мотоциклист. Хромированная металлическая сияющая громада «Харлея» в сочетании с черной кожей и аспидным мотоциклетным шлемом, похожим на инопланетный хай-тек.

Рев мотора.

Запах бензина.

Скорость...

В иные мгновения именно скорость составляла главный смысл жизни того, кто вот уже тридцать пять лет звался Олегом Купцовым по прозвищу Гай среди друзей, которых у него было немного, женщин, которые водились у него всегда в огромном количестве, и соперников – байкеров, которых он, не будучи сам настоящим, истинным байкером, в глубине души презирал как некую низшую, недостойную внимания и зависти неполноценную расу.

Сияющая громада «Харлея», тянущаяся стальной струной, льнущая резиной к дороге, упругий ветер в лицо – еще секунда, и все это пронесется мимо станции Узловой, где нет ничего, кроме платформы, разъезда, автобусной остановки и дома путевого обходчика с покосившимся забором, грядками картошки да гнилым курятником.

На платформу с электрички сходили пассажиры. Одна из пассажирок – пожилая, худая как жердь – волокла за собой тяжело нагруженную коляску. Она как раз собиралась переходить шоссе, но, увидев мотоциклиста, суетливо повернула – от греха. Мотоциклист на полной

скорости пронесся мимо и вдруг резко, со скрежетом, затормозил. Стоя на обочине, женщина увидела, как странно завияла вся эта мощная ревущая хромированная громада – завияла, разом теряя силу, напор. И вот уже она катит, точнее, ползет, как неуклюжая черепаха, как будто тот, кто сидит в седле, утратил весь свой кураж или заснул на ходу, а может, ослеп?

Женщина с тяжелой тележкой перебежала дорогу и скрылась в сумерках. Олег Купцов по прозвищу Гай остановился, медленно обернулся.

Он еще издали заметил женщину на обочине. У него было острое зрение. Женщина в сумерках с хозяйственной сумкой в замызанной голубой ветровке – сутулая, пожилая. Именно такой он видел в последний раз свою мать. Ее вывела на прогулку санитарка. Мать волочила за собой сумку на колесиках. Во время прогулок по закрытому больничному двору она всегда тащила за собой эту кладь. На дне сумки хранились «сокровища», которые мать собирала все долгие годы, проведенные в больнице закрытого типа: разрозненные листы календаря, открытки, старые зубные щетки, резиновый мячик.

В тот раз она плюнула в сторону Гая, и медсестра со вздохом посоветовала ему немедленно уйти и пока больше не настаивать на свидании с матерью.

Он и не настаивал.

Мать дважды пыталась задушить его, когда он был грудным. Тогда ей поставили диагноз: послеродовая горячка. Затем диагноз меняли: острый психоз.

В следующую их встречу – ему тогда было семь лет – мать в присутствии своего старшего брата и его жены, которые взяли Гая на воспитание, стоя на безопасном расстоянии, словно он был заразный, прокаженный, долго пристально всматривалась в его лицо. Он помнил этот взгляд – блестящий, липкий, ему казалось, что по лицу его ползает жирная навозная муха. «Уберите его, убейте его! – закричала мать, и лицо ее исказилось от отвращения и ужаса. – Проклятое отродье, зверь, зверюга! Убейте его!»

В тот год в Москве проходила Олимпиада. И Мишка улетал со стадиона на связке шаров. Олегу Купцову, который тогда еще не имел прозвища Гай, снился по ночам один и тот же сон. Это его привязывают к связке шаров и запускают в небо, как мишень. А потом лихие охотники расстреливают его и воздушные шары из ружей под крики сумасшедшей матери: убейте, убейте его, убейте зверя!

Та старуха с кошелкой на колесиках, возникшая в сумерках на обочине как призрак...

ПОЧЕМУ СТАЛО ВДРУГ ТАК ТРУДНО ДЫШАТЬ?!

Гай отстегнул ремешок и рывком снял с головы мотоциклетный шлем. Мимо проплыли покосившийся забор, чахлый огородишко, сломанная калитка.

В этот вечер путевому обходчику Панкову, вернувшемуся домой из бани и выпившему по случаю «обмыва» чекушку, снился какой-то нехороший тяжкий сон. Вроде и прилег-то всего на часок до вечера, когда самая работа – надо вставать, начинать обход, пропуская скорые поезда. А тут такая хрень снится: будто на его огород кто-то забрался чужой – зверь, хищник. И собака, что привязана во дворе, сначала лаем заходилась, а теперь все воеет, скулит от страха. И куры в курятнике квохчут как оглашенные, а коза – та и вовсе мечется в закутке, обреченно, остервенело бля.

Во дворе в сумеречной мгле что-то движется. Чья-то тень – косматая комета. Подкрадывается к дому, заглядывает в окно террасы. И собака, забившись в будку, уже даже не воеет, пощеньячи визжит от смертного страха.

Обходчик Панков проснулся в поту. Мать вашу... да что ж это... а собака-то и правда воеет, скулит.

Он сполз с кровати, выглянул в окно: у дома силуэт – что-то черное, или, может быть, это в глазах черно?

Мужик еще не старый, крепкий, Панков хоть и выпивал, но был не робкого десятка. Прихватив тяжелую кочергу, он распахнул дверь.

На завалинке у крыльца – незнакомец, затянутый в кожу, бессильно привалился спиной к доскам. У ног на земле черный шлем от мотоцикла.

– Эй, ты чего тут?

Незнакомец медленно поднял голову.

– Пошел отсюда, здесь тебе не сквер городской! Ты что, и калитку еще мне сломал, падла?

Незнакомец с усилием, цепляясь за крыльцо, начал подниматься, выпрямляться во весь свой немалый рост.

Собака, заползшая в конуру, едва он ступил на дорожку между грядок, начала визжать так, словно ее ошпарили кипятком.

И этот визг, полный ужаса, подействовал на обходчика Панкова как холодный душ. Он отпрянул и быстро захлопнул дверь, задвинул засов, заорав:

– Сейчас в милицию позвоню, пошел отсюда, ублюдок занюханный!

С треском вылетели деревянные плашки, окно террасы осыпалось со звоном и грохотом: Олег Купцов по прозвищу Гай выбил его рукой в кожаной перчатке.

Глава 2

Императорский гей

Лондон. Наши дни

– Позади остался Гайд-парк, мы его только что с вами проехали, слева можете видеть знаменитые Кенсингтонские сады, здесь расположен Кенсингтонский дворец, где до 1997 года проживала принцесса Диана.

Салон автобуса, переполненного русскими туристами, захлестнула волна любопытства: все головы повернулись, тела заерзали в креслах, руки с цифровыми камерами потянулись к окнам. И только один турист – Игорь Деметриос упорно глядел в противоположную сторону. Не поддаваться чужому внешнему влиянию – это было чисто профессиональной его чертой, заповедью, которую он соблюдал всегда и везде, даже в отпуске.

Игорь Деметриос – дипломированный психолог– психотерапевт, вот уже несколько лет успешно занимающийся в Москве частной практикой, в этот свой отпуск решил съездить в Лондон. Купил в турфирме на Солянке стандартный тур «Лондон экскурсионный» и практически сразу в поездке жестоко разочаровался. Шумно, людно, туристический автобус, собирающий соотечественников по всем отелям от Сохо до вокзала Паддингтон, битком набит. Все галдят как галки, орут как грачи, все какие-то вздрюченные, точно и не отдыхать приехали. На обзорной экскурсии по городу молоденького гида закидали вопросами на засыпку. Он все по программе: вот, леди и джентльмены, Биг-Бен, вот Вестминстерское аббатство, вот собор Святого Павла, вот вам, пожалуйста, Тауэр, восхищайтесь. А ему со всех сторон на разные голоса:

– А где тут у вас универмаг Харродс?

– Покажите дом, который купил Абрамович!

– Где живет Мадонна?

– Отель «Миллениум», где Литвиненко прикончили, близко отсюда? Это на какой стрит? Суши-бар там еще был какой-то японский... Радиоактивно там все еще или уже дезактивировали?

– Где у вас тут Березовский обосновался?

Сады Кенсингтона и дворец леди Ди были все из той же оперы. Игорь Деметриос, по роду своей профессии вынужденный быть терпимым и снисходительным к человеческим слабостям, чувствовал, что все, баста – закипает от досады. Плюнуть надо было на экскурсию и отправиться самому смотреть Лондон в одиночестве. Заблудиться в Сохо сладко и безопасно и бросить якорь в каком-нибудь пабе «Адмирал Дункан», где тусовались представители нетрадиционной ориентации. И, быть может, встретить за стойкой голубую мечту, увы, так и не встреченную в Москве: парня из фильма «Карты, деньги, два ствола», только чтобы похож был непременно на Вигго Мортенсена в роли русского братка с крутыми наколками.

Голубые мечты – ядовитые змеи, жалят в самые-самые интимные наши места и не дают, не дают, не дают нам расслабиться, оторваться даже на отдыхе, даже в матери городов вселенских, туманном Лондоне.

Игорь Деметриос тряхнул головой: не спи, солдат, замерзнешь. Это все предки, конечно: дед – грек, бабка – гречанка, крымская кровь, чертов портвейн. Но заблудиться в Сохо одному, без соотечественников, было бы в кайф. Ну ничего, он сегодня к вечеру свое наверстает.

– Мы проезжаем по набережным Темзы, позади осталось знаменитое колесо обозрения «Лондонский глаз» на южном берегу. Перед нами мост Виксхолл-бридж, современное здание, что перед вами, – это штаб-квартира английской разведки «МИ-6».

Розовое здание, похожее на халдейский храм, точно щитами, прикрытое темными стеклами, проплыло за окном автобуса. Над Темзой свинцовой стеной вставали тучи. День был солнечным и ясным, и, наверное, от этого тучи теперь казались черными горами, вот-вот готовыми обрушиться в реку. Но через пару минут солнце утонуло в облачности и стало просто серо. По крыше автобуса забарабанил дождь.

– Типичная лондонская погода, – с мягкой улыбкой, точно смакуя, объявил гид.

Автобус добрался до конечной точки маршрута на площади перед Британским музеем. Дождь лил как из ведра. Игорь Деметриос – без зонта, в промокшей насквозь белой футболке, раздумывал недолго. Нечего было раздумывать: такси не видно, потоп. И даже смена караула... «Мне только что позвонили из тур-агентства, – объявил гид еще в салоне, – к сожалению, смена караула перед королевским дворцом ввиду погодных условий отменяется, так что, леди и джентльмены, наша экскурсия закончится не у Букингемского дворца, а у Британского музея».

Такси – лондонский кеб мог умчать Игоря Деметриоса в Сохо или куда глаза глядят, но в такую погоду и такси, видно, на фиг залило. Серая громада музея, античный портик, туристы, жавшиеся под его своды, как овцы. Ничего не оставалось, как войти – посетить, скоротать, переждать, обсохнуть.

И лишь внутри Игорь Деметриос понял, что попал туда, куда нужно. В вестибюле бросился в глаза огромный плакат, анонсирующий недавно открывшуюся выставку: «Император Адриан: империя и конфликт». Человек образованный, Игорь Деметриос о римском императоре кое-что слышал, но не это заставило его встать в хвост длиннющей очереди в кассу (на выставку в бесплатном Британском музее продавали билеты! И это уже о чем-то говорило). Занять очередь заставила его публика. Было, конечно, много туристов. Но было много и местных. И каких! Таких, пожалуй, и в Сохо в закрытом клубе не встретишь.

Держась за ручку, томно профланировала парочка: оба рыжие, истые шотландцы, кровь с молоком. А вот еще двое – эти вообще в обнимку, никого не стесняясь: совсем юнец и джентльмен постарше в рубашечке от Пол Смит в синюю полоску. А там и немцы – целый экскурсионный выводок, на футболках разводы гейской радуги. Панки – японцы с ярко-зелеными волосами, пухленькие девицы, оксфордского вида мужички, толстые леди в обтягивающих кожаных брюках с заклепками, и снова туристы, туристы – шведы, датчане.

– Двенадцать фунтов, офигеть! Я не пойду.

– Интересно же. И потом такой ажиотаж, ты только посмотри, Женя.

– Двенадцать фунтов билет! Это сколько в долларах, Жабик, ты посчитай.

– Не зови меня Жабиком.

– Можешь меня Жопиком звать.

– Дурак!

– Ну ты что... ну прости, ты шуток не понимаешь? Ладно, черт с ними, с фунтами, давай пойдем на эту выставку, раз уж так тебе хочется, все равно дождь.

Игорь Деметриос оглянулся: вот вы в Лондоне, стоите в очереди и кто же – кто, скажите, дышит вам в затылок? Конечно, вездесущие соотечественники. Жабик и Жопик – это ж надо!

За ним стояла пара. Очень приятные, относительно молодые, ровесники его – он и она. Она темноволосая, кругленькая – такая ясноглазая простушка из числа «добрых товарищей», что как влезут в джинсы, кроссовки и в толстовку с капюшоном, так и в пир в этом прикиде, и в мир, и за границу. Он высокий, светлый, крепкого телосложения, жует мятную конфету. По виду типичный «славный малый», интеллект явно средний, зато подбородок квадратный, сильно развит плечевой пояс, грудные мышцы накачаны, чем явно гордится, выпячивая грудь колесом: вот, мол, какой я здоровый. А вы тут все – хилая банда, интеллигенты.

На выставку нужно было пройти в круглый читальный зал. Игорь Деметриос двигался в общем потоке, ощущая себя частью какого-то избранного и вместе с тем единого целого. Жел-

тый свет... Гул голосов... Вообще-то совсем неплохо для начала отпуска в Лондоне. Можно, пожалуй, вспомнить украдкой и про голубые мечты...

На фоне темных декораций – гигантская мраморная голова императора, обломки колоссальной статуи. Круглый зал под куполом. Бюсты, доспехи, монеты, мозаика.

– Доставшаяся императору Адриану империя простиралась от Британии до Ближнего Востока.

И опять родная речь! Женщина-экскурсовод громко читала лекцию супружеской паре новых русских, что в отличие в других туристов не пожелали воспользоваться «трубками-гидами», которые раздавали при входе.

– Едва став императором, Адриан распорядился вывести войска из Месопотамии, то есть с территории современного Ирака, и, как вы понимаете, такое совпадение с современным положением вещей не может не...

Деметриос переходил от экспоната к экспонату, но больше наблюдал за посетителями. Вон тот бой в розовой рубашке, взгляд с поволокой, здорово было бы... Хотя вряд ли это возможно. Да и как завязать знакомство? «How do you do? Меня зовут Игорь, а вас как, сэр?» Вон паренек тоже ничего. Глаза горят, как у кошки. А смотрит... нет, не на меня и не на японца в зеленке, смотрит на мраморный бюст Антиноя, что выставлен в нише.

– Император Адриан остался в истории не столько как государственный деятель, сколько как лидер державы, впервые официально не скрывавший своей нетрадиционной сексуальной ориентации...

МОЛЧИ, ЖЕНЩИНА, ТЫ ВСЕ ТОЛЬКО ПОРТИШЬ СВОИМ ВСЕЗНАЙСТВОМ! Деметриос, который по профессии своей должен быть терпим и снисходителен ко всему, в том числе и к женскому всезнайству, был готов сейчас, в эту минуту, заткнуть этой досужей бабегиду рот кляпом из сахарной ваты. Помолчи, мы сами разберемся, мы тут для этого и собрались все вместе.

– Предметом страсти императора был юноша Антиной, вот его бюст перед вами. После трагической гибели любимца император...

Деметриос оценивающе оглядел любимца: красивый парень, жаль только, что мертвый. И уже так давно. Истлел, разложился, рыбы съели. Интересно, был брюнет или блондин? Сам Адриан бороду и кудри золотил специальной золотой пудрой, прыщи скрывал, прихорашивался, а этот мраморный парень... Он ему годился в сыновья.

Сбоку зависла все та же парочка соотечественников: он и она.

– Женечка, ты что?

– Ничего, все нормально, супер гуд.

– Не знаю, мне показалось...

– Супер гуд. Смотри, какие павлины.

Бронзовые золоченые павлины, привезенные на выставку из музеев Ватикана, и правда были гвоздем экспозиции. Перед ними, как и перед голой статуей Адриана в образе Марса, толпились зеваки. Но больше всего их было возле Антиноя.

– Смерть императорского гея была загадочна и покрыта тайной. По официальной версии он утонул в священном Ниле. Но по другой версии он покончил жизнь самоубийством, доведенный до отчаяния домогательствами императора. Некоторые же утверждали, что он был утоплен по приказу самого Адриана, который не мог простить ему отказа и измены...

– Женя, что с тобой?

– Я в порядке. Что ты пристала ко мне.

– Но ты... у тебя такое лицо...

– Оставь меня в покое. А ты что уставился на меня, забугорный? Ты что смотришь, что палишься, ну?!

Игорь Деметриос вздрогнул. Скандал по-русски? Здесь, в круглом читальном зале, похожем на знаменитый Пантеон, на рафинированной выставке, привлекающей пол-Лондона?

– Что ты все пялишься на меня?!

Тот самый «славный малый» из очереди – бледный, взмокший, с искаженным какой-то кривой отчаянной гримасой физиономией, с неожиданной и непонятной силой и яростью оттолкнул от себя того самого джентльмена в розовой рубашке, который... Игорь Деметриос застыл от неожиданности. Джентльмен отлетел к стене, затянутой черным сукном, и едва-едва не свалил бесценную статую голого императора в образе Марса. В зале закричали, к месту происшествия ринулись дюжие секьюрити. Один подхватил под мышки соотечественника, двое других надвинулись на возмутителя спокойствия, явно собираясь вывести его силой из зала, но...

– А вам что надо? – все так же бешено тот отшвырнул их от себя. – Пошли к дьяволу... ни за что не дамся... нет!

Секьюрити применили прием, завязалась настоящая потасовка, в результате которой странный бузотер был опрокинут и прижат к полу. Он орал, выплевывая из себя бессвязные ругательства, потом вдруг рванул ворот шегольской рубашки поло с такой силой, что треснула ткань. Один из охранников начал звонить по мобильному, явно вызывая в зал полицию.

Игорь Деметриос протиснулся вперед. О, теперь он видел – это не просто хулиганская пьяная выходка, от парня там, в вестибюле музея, и пивом-то не пахло. Это что-то другое, возможно, как раз по его профилю.

– Женька, милый... ну помогите же кто-нибудь, ему плохо! Моему мужу плохо! – возле охранников металась та самая темноволосая нимфа по имени Жабик.

– Пропустите, я врач, – по-английски возвестил Деметриос. Охранники ослабили хватку. Но поверженный больше не сопротивлялся. Глаза его были полузакрыты, кулаки стиснуты, из груди со свистом вырывалось дыхание.

Игорь Деметриос наклонился.

– Не дамся, сдохну, не дамся... больше никогда... Не хочу, нет... Вода... тут везде вода... захлебнусь... все равно ни за что... сдохну, суки, захлебнусь, но не дамся больше...

Соотечественник, бормотавший помертвелыми губами, внезапно закашлялся гулко и надсадно. Деметриос моментально повернул его на бок, чтобы освободить, облегчить удушье. Это было не похоже на эпилептический припадок, о котором он вначале подумал. Это было что-то совсем другое. Припадок, но... Человек на полу кашлял, его буквально выворачивало наизнанку. Деметриос приподнял его голову. Он подумал... нет, он не видел такого на практике, но этот парень... Здесь, на мраморном музейном полу, он ведет себя... черт, он ведет себя точь-в-точь как утопленник, вытасенный на берег, чьи легкие и дыхательные пути еще не освободились от воды. Но никакой воды нет. Только дождь, барабанящий там, снаружи, которого тут, в круглом зале, даже не слышно.

Врач-психотерапевт всегда остается самим собой даже за границей, даже на отдыхе. Профессия, которой столько отдано, ставшая твоим призванием, всегда берет свое даже над сугубо личным. По крайней мере у Игоря Деметриоса это всегда было так.

От неприятного инцидента на выставке их отделяло уже три дня. Они сидели в пабе, расположенном в двух шагах от отеля: Игорь Деметриос и его новые знакомые – он и она, Евгений и Евгения Ермаковы. Именно так они представились ему. Оказалось, что и в отеле они остановились в одном и том же. Базовых отелей в этом туре было всего три. Этот, на Стренде, вполне приличный и расположен прекрасно, оттого и выбрали.

Было девять часов вечера, Лондон сиял огнями, как пряничный домик. Деметриос, успевший побывать за эти дни везде, где хотелось, был настроен на благодушную сентиментальную волну. Хотелось действовать, помогать, волонтерствовать только оттого, что на душе

было славно. Только от того, что сам он здесь, в этом городе, в котором почти все время шел дождь, ощущал себя счастливым и свободным. А тут – соотечественники, у которых что-то приключилось. Что-то такое странное, чему они сами никак, кажется, не найдут объяснения. И от этого на их лицах – тревога и растерянность. Случай интересный, очень даже интересный с точки зрения его профессии. Пожалуй, ничего подобного в его практике не встречалось. Те два московских случая тоже интересные, и он продолжит активно ими заниматься сразу по возвращении, но этот лондонский эпизод...

Ермаков сидел напротив него рядом с женой, пил пиво. Деметриос вспомнил, как они вывели Евгения из Британского музея. Какое-то время он был не совсем адекватен, правда, это быстро прошло. С охранниками музея и полицией, слава богу, все как-то удалось замять тогда.

– Много успели посмотреть? – спросила его Женя Ермакова.

– Весь день бродил. Этот город как воронка, затягивает, околдовывает.

– А мы в номере просидели до обеда. Я телевизор пыталась смотреть. Так, тоска... Новости сплошные, нас все за Грузию полощут.

– Наподдали грузинам. – Ермаков стиснул бокал с пивом. – Мало еще, я б не так поступил.

– Вы служили в армии? – спросил Деметриос.

– Служил. Как все, срочную когда-то.

– Ну положим, служат сейчас не все, – Деметриос усмехнулся. – А насчет военного конфликта... Война в любом своем проявлении ужасна, губельна. И вообще разве не комфортнее, не разумнее быть неотъемлемой частью всего этого, – он повел рукой, словно обнимая паб, где за тесными столиками локоть к локтю сидели вперемешку туристы, англичане, – ища компромиссы, избегая конфронтации? Здесь, в Лондоне, как-то все по-другому. Мне вот, не скрою, очень нравится старая Европа, я хочу, чтобы мы были с ней, в ней, а не отторгались. Всегда и для всех быть чужаками – удел скучный.

– Какие еще, к черту, компромиссы, когда они...

– Вы первый раз в Англии? – быстро перебил его Деметриос.

– Мы в отпуск сначала во Францию хотели ехать, ну а потом на Лондон быстро переиграла, – встряла Женя. – У нас после свадьбы толком ничего такого не было пафосного, никакой поездки, вот и решили устроить себе.

– Вы давно женаты?

– Уже полтора года.

– Поздравляю вас, – Деметриос поднял бокал. – Ваше здоровье.

– Нет, ваше здоровье. – Женя покачала головой. – Так выручили вы нас. Если бы не вы, его, наверное, в полицию бы забрали, а там доказывай, что он не пьян был. Что это... господа, что же это было-то?

Деметриос посмотрел на Ермакова. Тот напрягся, на скулах заиграли желваки.

– Ничего подобного никогда? – спросил Игорь.

Ермаков покачал головой.

– Но это была просто выставка. Разные экспонаты, этот император, его смазливый мальчишка, эти посетители, в общем-то весьма забавные безобидные люди... Что же вас так напугало там, а?

– С чего вы взяли, что я испугался?

– Ну не напугало, потрясло... Может быть, что-то напомнило? Какая-то ассоциация возникла?

– Ничего не было.

– Не хотите об этом говорить? Совсем-совсем? – тихо спросил Деметриос.

Ермаков молчал.

– Молчание не всегда золото, Женя. Некоторые вещи лучше отпустить на волю, не копить в себе. Иначе до нового взрыва недалеко.

– Вам до меня какое дело, Игорь?

– Ну, я еще там тогда вам говорил, я психотерапевт, у меня пациенты в Москве, приходят на консультацию, за советом. Ваш случай, мне кажется, в чем-то уникальный. Пока, правда, я не разобрался.

– Я не псих.

– Конечно, нет.

– Вы дорого берете за свои консультации?

– У меня много весьма обеспеченных клиентов. С кого-то я беру больше, с кого-то могу взять по минимуму, если случай меня как врача интересует.

Ермаков пил пиво.

– Может быть, мы поговорим в Москве? – вкрадчиво спросил Деметриос. – Вы ведь оба москвичи?

– Женя ко мне из Питера переехал, мы на Профсоюзной живем, – ответила Женя.

– А у меня офис в центре, в Калашном переулке, сразу за Театром Маяковского. Вот моя визитка, – Деметриос подал карточку Ермакову. – Тут телефоны, и мобильный и рабочий.

Женя выхватила карточку у мужа. На румяном личике ее была написана решимость. Деметриос понял, что пациент придет к нему на прием. Она – жена, она заставит. Жабик ты мой прекрасный...

Профессиональный долг был исполнен. Игорь Деметриос ощущал прилив бодрости. Теперь можно и расслабиться. Расплатиться в пабе, голоснуть такси и смыться со Стренда. И закончить лондонскую ночь, конечно же, в Сохо на какой-нибудь Олд-Комптонстрит в самом отвязном и безалаберном на свете заведении, куда не преминула бы заглянуть, живи она сейчас, сладкая парочка – Адриан и гей его императорского величества.

Реклама Apple...

Нескончаемый поток машин...

А где-то там, в пелене дождя, мост Ватерлоо, перекинутый через священный Нил, и прямо по курсу – кремлевские башни с рубиновыми звездами.

Глава 3

«Зенит – Манчестер Юнайтед», или ответный ход

Москва. Наши дни

– Что он делает? Нет, что он делает?! Бить надо, бить по воротам! Удар! Го-о... Убью, мазила!

«Павел Погребняк запускает мяч выше...»

– Какой момент коту под хвост!

Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, едва не оглохла. Муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценный В.А.», вопил так, что в баре дрожали стекла.

Нелегкая занесла их в этот спортбар на Таганке после театра. В театр Катя завлекла Драгоценного почти насильно. Ей хотелось посмотреть любимовское «Горе от ума». Драгоценный поначалу согласие приобщиться к искусству дал. Он вообще старался угождать Кате, идти у нее на поводу. Всего несколько дней отделяли их от долгой разлуки. Драгоценный должен был сопровождать своего работодателя Чугунова, у которого вот уже сколько лет являлся и начальником личной охраны, и главой безопасности, и чем-то вроде топ-менеджера по всем вопросам, в Германию. Старый Чугунов страдал от диабета, и в Германии ему предстояла операция на ногах. Драгоценный отправлялся вместе с ним, и в перспективе на несколько месяцев вперед у него не было ничего светлого, кроме госпиталей и реабилитационных клиник. Между ним и работодателем с годами установились совершенно особые отношения. У старого Чугунова был солидный капитал, но не было детей. Начальника своей личной охраны он называл «сынком» и, старея, страшаясь болезни и смерти, цеплялся за него, порой капризничая как ребенок, беспрестанно требуя сочувствия и внимания.

Катя была от такого положения дел не в восторге. Пробовала возражать. Но Драгоценный отвечал одно: «Я своего старика не брошу. А ты недели через три возьмешь отпуск и приедешь ко мне в Германию. Клиника под Мюнхеном, пока дед мой в себя будет приходить, найдем чем с тобой заняться».

Именно ввиду скорой разлуки он старался исполнять все, о чем Катя его просила. Или почти все. Согласился вот пойти в театр. Правда, когда узнал, что это не то «Горе от ума», которое смотрел Путин, то тут же попытался взять свое согласие назад. Но Катя и сама не хуже хворого старика Чугунова умела капризничать и добиваться своего.

В театре Драгоценный все время смотрел на часы. И ерзал как на иголках. Катя в толк взять не могла, ведь кажется, нравится ему спектакль.

Из театра он ее выдернул, как морковку с грядки, потащил куда-то по улице и втолкнул, как показалось Кате, в первый попавшийся бар. Лицо его при этом светилось истинным вдохновением. Через минуту Катя поняла причину, осознала, что ей предстоит. По телевизору начиналась трансляция матча «Зенит» – «Манчестер Юнайтед». Посиделки в баре и дикие, совершенно первобытные вопли являлись расплатой за «Вон из Москвы, сюда я больше не ездки».

«Наших болельщиков на трибунах однозначно больше. „Зенит“ – бело-голубые...»

Комментатор в телевизоре захлебывался. Катя вяло ковыряла вилкой колечки жареных кальмаров. Закуска к пиву.

«Трибуны питерцев слышно хорошо. Болельщики скандируют. Угловой! Опасный момент... На Флетчера высокий навес...»

В баре было не так уж и много болельщиков. Москва наблюдала за потугами «Зенита» с ироническим прищуром. Но те, кто собрался в баре, орали, свистели и гоготали – один за десятерых.

Катя косилась на мужа. Вот и симпатичный он у нее, хорош собой, бродяга, и костюм этот черный у него классный, и белая рубашка, так что же сейчас у него такая свирепая бандитская рожа? Ведь это всего-навсего футбол. Это же надо так из себя выходить?

«Штрафной в ворота „Манчестера“. Еще одна передача! Бить надо! Штанга! Руни пробил, Малюфеев выручил! Погребняк вносит мяч в сетку ворот!»

ГО-О-О-ОЛ!!

– Красиво забили! Браво, питерские!

– Чего питерские, и так совсем уже на голову сели.

– «Спартак» бы попробовал.

– «Спартак» еще себя покажет.

– Вадик, – позвала Катя робко.

– Подожди.

Катя вздохнула. Прямо сросся с этим теликом над стойкой бара. На поле мельтешили игроки – судорожные перебежки, отчаянная решимость забить. Кате отчего-то вдруг вспомнились строчки «Бармаглота» из «Алисы»: «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве».

«Футболисты на своей половине и очень грамотно прикрывают дыры, куда можно проскочить...»

Хливкие шорьки пырялись...

«Вы послушайте, что творится на трибунах. Болельщики поют, скандируют. Они зажгли флэшфайеры».

«И хрюкотали зелюки...» – Катя смотрела на Драгоценного, с горящими глазами он издавал горлом какие-то утробные звуки – ярости, азарта, восторга.

«Раз-два-раз-два, горит трава... Ува! Ува! И голова барабардает с плеч...»

Пестренький мячик катился по зеленой травке, и с ним, только с ним, казалось, была в этот миг связана жизнь и судьба Драгоценного.

«Ну и пусть, пусть орет, разоряется. Пусть делает что хочет. Пусть. Уедет вот скоро, надолго уедет, как я буду без него, это ужасно, это невозможно». Катя тоже смотрела на экран.

«Как здорово действует Анюков, какой прорыв...»

– Что он делает, что он делает, бить надо, бить... Что ж это он делает, подлец!

За окном давно «варкалось», Таганку окутала августовская ночь. В перерыве Драгоценный влил в себя бог знает сколько пива. Сграбастал грустную Катю за руку, поцеловал в запястье.

– Моя жена!

Телик бармен в перерыве переключил на НТВ, чтобы клиенты не скучали. Шла передача Владимира Соловьева.

– И тут тоже про англичан, – хмыкнул кто-то пьяненький за соседним столиком. – Совсем опупели с ними.

Упоминались убийство в Лондоне Литвиненко, радиоактивный полоний, отель «Миллениум», спецслужбы. В баре на Таганке в ожидании второго тайма и на это смотрели с прищуром.

Соловьев заковыристо беседовал с депутатом Луговым. Катя гипнотизировала Драгоценного: эй, обернись ко мне, это я, твоя жена, я люблю тебя...

– Спорить готов на что угодно, – Драгоценный обернулся к ней. – Просто так все это не кончится. Будет от них ответный ход.

– От кого от них? – Кате так хотелось взьерошить мужу затылок, опустить голову ему на плечо, почувствовать себя в полной его власти в кольце объятий.

– От английской разведки. Или я ничего не смыслю в этих ребятах из «МИ-6». – Драгоценный хмыкнул. – Чего б там ни было с этим лондонским жмуриком, но на полоний в центре Лондона ответный ход со своей стороны они сделают. Они пацаны серьезные, ушлые. И это будет тот еще ход.

Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве...

Ну, поцелуй же меня, что ты там про какую-то разведку заладил. То про разведку, то про футбол...

– Катька, все, атас, второй тайм, прекрати меня тормозить, – Драгоценный отстранился. – Вообще как ты себя ведешь?

Пестренький мячик снова «барабардал» по зелененькой травке, как чья-то забубенная срубленная головка. И вся жизнь и судьба опять, казалось, серебряной нитью были связаны с ним одним.

Катя поняла, что скоро, совсем скоро она окажется совсем одна. ОНА И ПРЕДСТАВИТЬ НЕ МОГЛА СЕБЕ, ЧТО ЕЕ ЖДЕТ.

Глава 4

Облицовочный камень

Ленинский проспект перекрыли как раз в тот момент, когда очередь на движение под зеленый светофор дошла в нескончаемом потоке машин до Владимира Жуковского. Тронуться должен был с места, а тут вместо зеленого – красный, и гаишник показывает жестами: стоять, не рыпаться. И все это, когда дико опаздываешь на работу. Опаздываешь после вынужденного прогула, насчет которого только вчера униженно объяснялся с шефом по телефону: «Не могу выйти, потому что мои семейные обстоятельства...»

«Привезли облицовочный камень для вестибюля, – проскрипел шеф. – Владимир Николаевич, это ваши прямые обязанности – следить за ремонтными работами здания».

Прямые обязанности сорокадвухлетнего офисного служащего, который когда-то учился на юриста, а вкальвает менеджером, по сути совмещая должность завхоза и коменданта здания. Юристов сейчас как вшей, переизбыток. Въедливым, опытным практикам-крючкотворам мест не хватает, а тут он, Жуковский, который и дня не работал ни в адвокатуре, ни в суде, ни в нотариате.

Образование всегда было его больным местом. Жуковский стиснул руль. Не то что у брата Алешки. Он всегда и везде был первый – в школе золотой медалист, в университете. В школе учителя в один голос твердили: «Мальчик гениально одарен». Когда в 1973 году Володька Жуковский пошел в школу, он уже тогда был братом того самого Жуковского Алексея, который в свои двенадцать лет участвовал в математических олимпиадах для старшеклассников.

О нем уже тогда трубили во все медные трубы. Трубят и сейчас. Косвенно трубят почти каждый божий день.

Вот на сиденье газета «Аргументы недели». И там статейка. В пробке стоишь на Ленинском, отчего же не глянуть статейку. «Испытания авиабомбы объемного взрыва прошли на военном полигоне в Баренцевом море. Военные засекретили почти все данные, но они дают понять, что итоги испытаний превзошли их самые смелые прогнозы. Военные утверждают, что боеприпас создан с использованием нанотехнологий. На практике это может означать применение композитных взрывчатых веществ, спроектированных на атомарном уровне».

Может, другой и не обратит внимания на статейку, а ему, Жуковскому-младшему, ясно: старший братец и тут постарался, проявил себя как выдающийся, гениальный...

Владимир Жуковский стиснул руль, стиснул зубы. И тут по резервной полосе мимо них, томящихся в пробке, промчался кортеж: черные джипы с мигалками, черный микроавтобус, машины сопровождения. Ах-ах-ах, что вы, что вы...

Нет, это не брат. Это кто-то покруче, повыше, но... Брат тоже сейчас может вот так – проехаться с ветерком. Имеет полное законное право. Он много чего имеет сейчас.

«Алеша всего добился сам. И он нам поможет. Он и так нам всегда помогает. Я попрошу его, и он...» – а это уже слова жены Оксаны. Вот бабы – суки лживые, выходила ведь за него, дочь вон ему родила какую. А теперь, когда старший брат Алешка высоко взлетел – рукой не достать, только он у нее на языке, только о нем она целыми днями и твердит: Алексей добился, Алексей помогает, Алексей выручит, позвонит, даст денег...

Черных с мигалками давно и след простыл. Но путь по-прежнему закрыт. Кого-то еще ждут. Может, брата Алешеньку?

Жуковский скомкал «Аргументы недели». И тут же устыдился своего порыва. Тихо, тихо, надо держать себя в руках. Надо контролировать себя, не доводя дело до срыва, а то будет как в прошлый раз...

В тот раз он, кажется, напугал Оксану, по крайней мере, она не ожидала от него такой вспышки ярости. Это было в присутствии тещи, та вечно суется во все. И такой момент, как замена кухни, конечно же, не могла пропустить. Он предложил взять кредит в банке на покупку новой кухни. А жена Оксана... Она так мило улыбнулась: зачем кредит, Вовка, мы попросим денег в долг у Алеши, он мне сказал, что мы можем всегда располагать им. Не надо будет платить проценты, просто попросим у него в долг, и все.

Это «и все» и ее глупая улыбка заставили его тогда... кажется, он что-то разбил в этой чертовой кухне. С тещей случилась истерика – он, видите ли, ее до смерти напугал. Ведьма... Они всегда с Оксаной заодно. И всегда говорят о брате. Причем в превосходной степени, почти с мистическим восторгом. А когда увидели его по телевизору на заседании Госсовета, то вообще... Укрепление национальной безопасности страны – тема государственной важности. Особенно после «пятидневной войны». У них были такие лица, словно это божество явилось им обеим на телеэкране. Он вырубил телевизор и шваркнул пульт об стену. И тогда... Тогда жена обратилась к этому Деметриосу – психотерапевту. От кого-то из подруг услышала о нем и поставила ему, Владимиру, ультиматум: или пройдешь курс в несколько сеансов, или «мы с мамой и с дочкой переедем на время жить в дом Алексея, он не имеет ничего против».

Братец в своей христианской благотворительности бедным родственникам и на это был способен – дать приют его перепуганному семейству.

Конечно, там все условия, там обслуга, это же фактически правительственная резиденция. И он там один живет – холостой, занятый по горло делами государственной важности в системе организации вопросов обороны и безопасности. Какой-то суперсовременный сверхсекретный военный проект, объединяющий сразу несколько отраслей, несколько направлений, связанных с нанотехнологиями на атомарном уровне.

ЧТО ЕЩЕ ЗА ЧЕРТОВО СЛОВО ЭТИ НАНОТЕХНОЛОГИИ? Почему я, я – Владимир Жуковский, понятия не имею, что это за чертово волшебное слово? И почему мой брат это знает, и для него, ученого, оно открывает такие возможности в области государственной карьеры, менеджмента самого высокого уровня. Почти мировые перспективы... Да еще правительственная резиденция на Рублевке, обслуга, охрана. Живет там совсем один, даже собаки не завел – некогда, говорит, брат Володя, одна работа, только работа, приезжаю домой в двенадцать ночи, уезжаю в семь утра. А ночью бывает звонок – то из Минобороны, то из ядерного института, а то из Кремля.

Охрана...

Стриженные лужайки ухоженного парка...

Залитый огнями зал заседаний Госсовета...

Жена Оксана, наверное, не прочь сменить их двухкомнатную квартиру на эту самую резиденцию. Квартирка для них двоих сразу после свадьбы была ничего. Но потом родилась дочка, а к ней пластырем прилипла теща, переехала, перебралась плотно, что называется, намертво и...

«Прекрасная женщина твоя Оксана, – сказал ему как-то брат. – Вот мне бы такую найти. А я, видишь, не нашел, не умел найти. Сорок семь мне, а я все дома своего не имею. Сплошная казенщина».

Охрана...

Стриженные лужайки...

Пуленепробиваемый «Мерседес» с мигалкой и водителем в бронезилете...

Он что же, братец, жалуется, что ли, на ВСЕ ЭТО?!

Тихо, тихо, только не надо, возьми себя в руки... Зависть... Нет, братец, это не зависть, это что-то другое... Другое...

Если бы это ты ехал сейчас мимо по резервной полосе, то это было бы совсем нестерпимо, невозможно... Но это не ты. И слава богу... слава богу... Обошлось... Обошлось?

Пластиковый обод руля, который Владимир Жуковский чувствовал под пальцами всего секунду назад, словно растаял, растворился в воздухе, отравленном бензиновой гарью. И сами эти руки стали иными, как будто уменьшились в размерах. На тыльной стороне выступили пятнышки цыпок. Это когда они с братом Алешкой возились с головастиками – пересаживали их в банки со свежей водой. Это было на даче под Москвой. Кажется, дачная станция Узловая, да, там они жили в то лето. Сколько же лет назад это было? Тысяча? Миллион?

А цыпки-то на руках – вот они до сих пор... Брат Алешка был старше его, но никогда не задирает носа. Он всегда был самый верный его защитник – и в школе, и на даче от местных пацанов. Он был добрым – даже головастика жалел, выхаживал, воду заставлял менять, чтобы не сдохли. Он был умным, всегда что-то читал, решал, какие-то формулы чертил на полях. А в школе он был в совете пионерской дружины, а сейчас вон в Госсовете, в правительстве...

А цыпки-то на руках?!

«Не надо будет платить проценты, мы попросим денег в долг у Алексея» – это сказала жена Оксана. Тогда там, на даче, он вообще и думать не думал, что когда-то у него будет жена. Он... ОН ПОМНИЛ ВСЕ ТАК ЯСНО, ТАК ОТЧЕТЛИВО. Они жили на даче, и брат защищал его от местных, чтобы не обижали, не лупили. Даже дрался из-за него. А ему на лето по внеклассному чтению задали кучу книжек прочитать. И это было так скучно. Но однажды брат сказал ему: есть книжка про шпионов, не оторвешься. Это была «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара. Они все тогда были такие пионеры, такие пионеры...

Что же это такое происходит? Светофора не видно, не разобрать, какой там свет горит – красный ли по-прежнему или зеленый. Не сигналият, значит, движение закрыто, но отчего же тогда...

Владимир Жуковский увидел свои руки – детские руки в цыпках. Как произошла с ним такая метаморфоза, он не мог уяснить себе вот уже сколько лет – но это бывало с ним, случалось. И в последнее время все чаще, чаще, чаще...

Желтые кожаные сандалии, детские сандалии на загорелых ногах. Коленка в зеленке, свежие царапины, капли пота на лбу. Он куда-то бежит. Бежит так, словно от этого зависит все, ВСЕ ЗАВИСИТ.

НАДО УСПЕТЬ.

Потом спускается по какой-то обрывистой тропинке. Тянет сыростью и еще чем-то затхлым, воню какой-то тянет, тленом, мертвечиной. Но он не должен бояться. Он должен...

Перед глазами стена – серый камень, паутина трещин, поросших мохом. Серый камень, какие-то развалины. Здесь есть тайник, расщелина. Он сует туда руку и с придушенным криком отдергивает – что-то черное, блестящее, многоногое, шевеля усами, поводя хитиновыми челюстями, нацеливается на его пальцы. Насекомое, мерзость, трупоед... Ну, трупоед, тебе сейчас будет пожива.

Он не должен ничего бояться. Разве это не слова его брата? Он так любил повторять их. Смелый, благородный, гениальный мальчик... Мальчик...

Мальчик с руками в цыпках, с голыми коленками в зеленке, одетый в шорты и защитного цвета курточку, мальчик в пилотке и красном галстуке сует руку в тайник и вытаскивает что-то, завернутое в лист лопуха. Это пистолет системы «браунинг». Владимир Жуковский чувствует пальцами холодок его рукоятки. Он видит это как бы со стороны и вместе с тем – это он сам там, внизу, припав по-лягушачьи на корточки перед этими серыми камнями, руинами чего-то «бывшего», поросшего травой, кустами. Это раздвоение пугает его всегда больше всего. Раздвоение – это шизофрения. Неужели шиза? Но об этом они с этим чертовым психологом пока что не говорили...

«Надо контролировать себя. Принимать лекарства. Я выпишу вам. Это совершенно безвредный препарат, однако не злоупотребляйте».

Он и не злоупотреблял. Выпил всего одну таблетку и забросил. Пальцы чувствуют холод металла. И Ленинского проспекта никакого нет. Есть только сырой овраг, из которого нужно выбираться наружу, чтобы...

Мальчик карабкается по тропинке вверх. И вот уже – солнце, пятна на летней траве, дачная дорожка. А на ней фигура.

В той памятной книжке «Судьба барабанщика» двое шпионов давали деру с дачи. Только было это не под Москвой на станции Узловой, а под Киевом. Двое взрослых шпионов, врагов. А тут на дачной дорожке всего один. Всегда, вечно один ВРАГ.

Мальчик с голыми коленками в зеленке вскидывает пистолет, сдергивает предохранитель.

Фигура на дачной дорожке. Вот он идет. Вот замечает. Поднимает руку к лицу, защищаясь. Поздно! Выстрел.

ВЫСТРЕЛ!

Каждый раз пуля попадает в цель, но в разные места. Иногда в глаз, и он лопается, как стеклянный шарик, пачкая слизью и кровью щеки, подбородок. Иногда пуля попадает в пах, и наружу на метр бьет фонтан крови из пробитой артерии. Иногда пуля попадает в сердце. И тот, в кого она попала, падает, словно подкошенный, даже не охнув. Но это неинтересно. Лучше когда пуля попадает в живот, пробивая брюшину. Потому что тогда тот, в кого она попала, умирает не быстро, мучительно, царапая ногтями траву, хрипя и...

Мальчик с пистолетом подходит ближе. Наклоняется над телом. Сейчас, вот сейчас он так близко, так близко, что можно даже увидеть бисеринки пота на его детских висках. Подбривший детский затылок, нежную ложбинку на шее. Вот он оборачивается.

Блаженная улыбка кривит его губы. Потом верхняя губа вздергивается, словно в оскале, обнажая острые клыки, которые впиваются в...

Владимир Жуковский укусил себя за кисть. Все, я сказал ВСЕ, довольно, хватит!

Это ВСЕ. И больше не будет ничего. Только Ленинский проспект. Только дорога. Дорога...

Он не сумасшедший.

Даже если ВСЕ ЭТО повторяется раз от раза все ярче, все сильнее, он не сумасшедший.

Он едет на работу. Он управляет своей машиной. Вон и светофор горит зеленый.

Как будто и не было ничего – пробки, правительственного кортежа, «браунинга», спрятанного там, в расщелине среди серых камней.

Как будто не было ничего.

Ничего. Никогда.

В офис, расположенный в Соймоновском переулке, Владимир Жуковский вошел с десятиминутным опозданием. Отметил карточку регистрации на пульте охраны. И застыл, словно его внезапно ударило громом.

В просторном вестибюле нового офисного здания, которое занимал инвестиционный фонд «Евразиягрупп Лимитед», кипели отделочные ремонтные работы. Целая бригада штукатуров и каменщиков декорировала стены облицовочными плитами из серо-зеленого мрамора.

Бригадир, завидев опоздавшего Жуковского, поспешил к нему: облицовочный камень привезли вчера в его отсутствие и спешно начали работы, стараясь уложиться в контракт и в смету.

– Владимир Николаевич, мы эту часть вчера уже почти закончили...

– Это что? – спросил Жуковский, указывая на серую стену. Ту самую стену, которая здесь и сейчас окружала его со всех сторон. Не оставляя выхода, не оставляя надежды.

– ЭТО ЧТО???

– Это плитка... облицовочный камень...

– Это что?! – взревел Жуковский (которого в офисе в общем-то держали за тихого, неконфликтного сотрудника. Неудачника по полной программе.) – Это что такое, я вас спрашиваю?!

Он схватил молоток, забытый кем-то из рабочих на стремянке, и с размаха ударил по облицованной мрамором стене.

По серой матовой глади зазмеились трещины. Несколько плиток с грохотом отвалилось.

Глава 5

Первое знакомство

Знакомство «вприглядку» состоялось у Кати с четой Жуковских – Владимиром и Оксаной и Алексеем Николаевичем Жуковским на свадьбе Катиной подруги Нины Картвели.

Свадьба Нины и Марка Гольдера – это было первое, что вспомнила Катя после того, как проводила Драгоценного в аэропорт. Вечерний рейс, Драгоценный сопровождал своего хворого работодателя Чугунова: куча багажа, обслуга, старая жена работодателя, его секретарша-любовница, личный врач, медсестра. Это самое «сынок», которое повторял Чугунов Драгоценному к месту и не к месту, – все это почти бесило Катю. Умнее и тактичнее было остаться дома и не ехать в Шереметьево. Она и осталась. Простились, что называется, на пороге.

– Сразу позвоню, а ты готовься недельки через три ко мне, отпуск оформляй, – командовал Драгоценный.

– Хорошо, Вадик, я все сделаю.

Уехал. Улетел... Сокол ненаглядный. Катя долго стояла у окна, хотя видеть было некого и нечего – одну лишь Фрунзенскую набережную, реку, зелень парка на том берегу. Сокол мой...

Потом все было как обычно. Рядовой августовский вечер – не поехала на дачу, осталась в городе, потому что сокол, сокол ненаглядный улетел.

А ночью Катя проснулась в слезах. Подушка была мокрой. Так было жалко себя. Просто ужасно. Запоздалая реакция на разлуку. На «улет». И вспомнилось самое яркое из последних впечатлений перед разлукой: свадьба Нины и Марка Гольдера, на которой они были вместе с Драгоценным. Он и сам туда разрядился как жених, что бывало с ним крайне редко. И Катя по такому случаю разорилась, купила дорогое вечернее платье.

Свадебный банкет проходил в Кремлевском зале ресторана «Прага». Нина-невеста была похожа на маленькую снежную птичку – вся в белом, а долговязый Гольдер – шахматист, гроссмейстер – парил над ней как орел. Истинный орел. История их романа была трудной, порой трагичной, все происходило на глазах Кати, да Драгоценный под занавес сыграл в этой истории почти рыцарскую роль спасителя. Такое не забывается. Но Катя не любила вспоминать ТО. Лучше было помнить ЭТО – зал ресторана, переполненный гостями, счастливую Нину, гордого жениха в съехавшем от волнения чуть-чуть набок парадном галстуке.

«Горько!» – закричал Драгоценный. И это было лучшее, что слышал Марк Гольдер, – это было видно по его глазам и счастливой улыбке.

«Горько!»

Сейчас, ночью, одной Кате было так больно и так радостно это вспоминать. Чужое счастье... Но разве они с Драгоценным не были счастливы там?

Среди гостей на свадьбе представителей мира шахмат, о котором Катя имела весьма смутное представление, было немного. Больше было друзей Марка Гольдера – двое космонавтов, знаменитый футбольный тренер (Драгоценный не отходил от него весь вечер, обхаживая, словно красотку, и все добиваясь каких-то прогнозов на будущий чемпионат), оперный бас, предприниматели, ученые, музыканты.

Катя обратила внимание на очень милую молодую женщину. Нина сказала, что это Оксана Жуковская, двоюродная сестра Марка, и показала ее мужа Владимира. Сначала он не произвел на нее особого впечатления – лет сорока, по виду типичный офисный клерк. Но потом в связи с ажиотажем, который поднялся в банкетном зале, когда приехал его старший брат Алексей Жуковский, она пригляделась к нему повнимательнее.

То, что приехала важная персона, стало ясно сразу по количеству охранников, которые наводнили зал. А потом в двери вошел самого обычного вида мужчина в дорогом, но слегка помятом костюме. Костюм был для него обязательной, почти рабочей униформой, однако носить «как следует» он его не умел. Видно было, что привык он больше к курткам, свитерам и рубашкам в клетку, к майкам, к джинсам, кроссовкам. Относительно моложавое лицо его было все сплошь в сетке мелких морщин, и, когда он улыбался, они становились глубже, заметнее.

Он вошел в зал, обнял Гольдера, сгреб его в охапку – так здороваются только старые добрые верные товарищи. Потом поцеловал смутившуюся Нину.

– Он сюда прямо из Кремля с заседания Совета безопасности, – раздался позади Кати шепот. В толпе гостей всегда найдется этакий «знайка».

Жуковского-старшего почтительно окружили. Катя заметила, что преобладали в этом «кружке» в основном ученые и космонавты. Потом все сели за свадебный стол.

«Горько!»

Поцелуй...

«Горько!»

Вспоминать это ночью одной, без Драгоценного было... Эх, что подделаешь! Уехал. Уехал надолго. Оставил одну.

Утром Катя встала рано и на работу собиралась лениво. Кофе стыл. По Москве-реке под самыми окнами плыли навстречу друг другу два прогулочных теплохода.

«Это как два корабля, идущих навстречу. Ожидается первое столкновение разогнанных до световой скорости частиц. Пучок протонов...»

Там, за свадебным столом в «Праге», напротив Кати и Драгоценного сидели ученые-физики и знаменитый оперный бас – философ по жизни. Беседовали чинно на горячую тему последних дней: запуск Большого коллайдера в Европе. Кате казалось, что на свадьбе такая заумь – это слишком, но...

– По сути, это эксперимент вселенского масштаба. Примерить на себя роль создателя и понять, как все начиналось, – разве это не заманчиво? Как видите, не случилось никакого конца света, никакой «черной дыры». И вообще это дьявольски интересно – узнать...

– Вот именно дьявольски, – прогудел бас-философ. – Эх, многоуважаемые... Я понимаю, что в военном аспекте для таких, как наш Алексей Николаевич, занятых проблемами разработки новейших типов вооружений, это огромный шаг вперед, но в моральном, человеческом аспекте...

– При чем тут это?

– При том, что человеку вообще нравится изображать из себя бога. И при этом не знать, не понимать самого себя. Вселенную препарировать замахиваемся, а собственная душа – потемки. А внутри каждого из нас порой такое скрыто – такие бездны, такие «черные дыры». И справиться с ними нет никакой возможности – затягивают, подчиняют, разрушают, выплескиваются наружу, и человек сам себя не узнает, пугается до смерти. Греки вдалбливали: познай самого себя сначала. А уж потом за все остальное берись. А мы – эти ящики Пандоры, где наши страхи, наше неверие, наши сомнения, зависть, тайные желания, наша боль в такой тугой узел сплелись, что и не развязать, не распутать, корчим из себя бог знает кого... точнее, черт знает кого...

Прогулочные теплоходы прогудели приветственно и разошлись. Катя подлила себе еще кофе. Вот тебе, душенька, и коллайдер...

Драгоценному пора бы и позвонить.

Писк мобильного настиг ее, когда она открывала ключом свой кабинет. Вот, только придете на работу, а вам уже звонят, вас хотят, вас требуют.

– Привет, зайчик, это я.

– Вадик? Как долетели?

– Нормально. Ты как?

– Хорошо. – Не рассказывать же, что проревела всю ночь, нос вон даже распух. – Я отлично.

– Ладно, мы со стариком сегодня по врачам. Ты давай не скучай там без меня, – тон у Драгоценного был самым деловитым.

– Не буду. Я тебя вспоминала.

– Уже? Хвалю. Ну ладно, шер ами, меня мой старик к себе призывает. Все, целую, не скучай.

НЕ БУДУ. Катя оглядела кабинет. Бросила сумку на стол. **ОБЕЩАЮ, ЧТО НЕ БУДУ СКУЧАТЬ.**

Глава 6

Бармаглот

«Не скучать» можно было, только занявшись работой. В пресс-центре ГУВД Московской области, где Катя трудилась криминальным обозревателем, в августе был сезон отпусков. Такой сезон был и во всем главке. Подозрительное затишье царило и в криминальных сводках, словно все братки, урки, маньяки и воры дружно двинули «на юга».

Квартирные кражи, угоны, бытовые разборки на почве пьянства – Катя тщетно просматривала сводки. Ничего стоящего.

Но она же собиралась «не скучать». Слово вот дала... Спустилась в уголовный розыск. Прошла мимо запертого кабинета начальника отдела убийств Никиты Колосова. И этот сокол ясный тоже улетел. Сначала в отпуск, а затем, спешно вызванный оттуда, в сводную следственно-оперативную группу МВД и прокуратуры на Кавказ. И без него в розыске стало как-то пусто-пусто...

Ничего, незаменимых у нас нет. Катя даже разозлилась. Ну все, все куда-то отвалили! А кто не отвалил, так тому до нее дела нет никакого. Сережа Мещерский в Греции, у него лето – самый горячий сезон, его фирма туристическая бабки заколачивает. У Нинки медовый месяц, у подружки Анфисы сердечные дразги с возлюбленным, с которым они вроде как совсем расстались, разругались в пух, а вот опять как капельки ртути потянулись, устремились друг к другу. Как те чертовы протоны в том чертовом коллайдере.

ЧЕГО ОН ПРИВЯЗАЛСЯ КО МНЕ С САМОГО УТРА, ЭТОТ КОЛЛАЙДЕР? Вообще что это за дрянь такая? И при чем тут это самое «познай сначала себя»?

ВСЕ РАВНО НЕ БУДУ СКУЧАТЬ. Займись делом. Любим, которое вот сейчас под руку подвернется.

Катя постучала в дверь кабинета заместителя начальника управления розыска Федора Матвеевича Гущина. Вот и не нужно нам никакого Колосова Никиты...

Гущин – полный, лысый (свою лысину он еще молодецки брил а-ля Гоша Куценко), флегматичный пятидесятишестилетний «профи» – сидел за столом, с тоской вперяясь в новенький ноутбук.

– Федор Матвеевич, здравствуйте, а я к вам. Есть что интересное, а то «Вестник Подмосковья» материал требует, а у нас ничего в запасе.

– Приветствую, Екатерина Сергеевна. Ничего стоящего внимания прессы. Вы вот все время на компьютере пишете, ловко пишете, не глянете, что тут у меня за петрушка такая? А то я вконец потерялся с этой вашей техникой.

Катя глянула, «петрушка» была локальной внутриглавковской сетью, Гущин просто открыл не тот файл.

– Ух ты, вот что значит молодежь. – Для Гущина, привыкшего за свои тридцать пять лет службы к картотеке, Интернет был камнем преткновения. – Екатерина, есть одно убийство в Красногорске – я туда выезжаю. Так, ничего особенного: с целью ограбления. Если желаете, то...

На безрыбье и «с целью ограбления» сгодится. Катя быстро вернулась к себе в кабинет, собралась.

И машина у полковника Гущина Федора Матвеевича была круче, чем у майора Колосова. Тот гонял на битой «бээмвухе», водил всегда сам. А тут тоже «БМВ», только новехонький и шофер – богатырь в бронежилете.

– Женщина убита в своей квартире. Сомнений нет – хотели ограбить. – Гушин сам толком еще был не в курсе. – Что-то там со способом проникновения чудно, прокурор Красногорска звонил мне, просил подъехать, посоветоваться.

Где кончилась Москва и начался Красногорск, Катя так и не поняла: и тут и там новостройки, гигантские жилые комплексы вставали как горы по обеим сторонам улицы. Въехали во двор девятнадцатиэтажной башни салатового цвета. Во дворе было полно милицеских машин.

Прокурор Красногорска встретил Гушина у подъезда. Катя стояла в сторонке, чтобы не мешать, но и одновременно так, чтобы все слышать.

– Соседи сообщили в милицию. В квартире кошка дико орала, они стали в дверь звонить, а хозяйка не открывает. Но они точно знали, что она дома должна быть. Вечером накануне в лифте вместе ехали. Фамилия хозяйки Лукьянова, зовут Вероника Валерьевна. Дверь пришлось взломать. Там сейчас эксперты, следователь наш.

– Как убита?

– Два пулевых ранения – оба в голову.

Они поднимались наверх во вместительном грузовом лифте. Катя считала – десятый, двенадцатый, четырнадцатый этаж. Высоко жила эта бедняга.

В прихожей однокомнатной квартиры работали эксперты. Осматривали входную дверь.

Катя следом за Гушиным прошла внутрь: комната просторная, светлая. Днем – гостиная, ночью, когда диван хозяйка раскладывала, превращается в спальню. Широкое ложе, застеленное черным шелковым постельным бельем. На таком, слава богу, крови не видно. А ее должно быть немало – два пулевых ранения в голову. Хозяйка лежит на диване, свесившись до половины. Светлые крашенные волосы метут пол. Поза неестественная, тряпочная, мертвая поза.

Судмедэксперт и двое оперативников осторожно перевернули тело. Катя едва не сплочовала, не отвернулась суетливо, испуганно: мертвое лицо раздроблено пулями, правый глаз отсутствует – вытек.

А кругом в комнате, превращенной в спальню, – разгром: ящики шкафа-купе выворочены, выпотрошены, одежда на полу, тут же разные мелочи. Правда, музыкальный центр и плазменный телевизор на месте, но возле стойки полно разбросано дисков. Катя наступила на дискету. А где ее компьютер?

– Лукьянова Вероника, тридцать четыре года. Квартира была куплена ею три года назад, когда дом заселяли, – доложил Гушину старший оперативной группы. – Два пулевых ранения в голову с близкого расстояния, одну из гильз мы нашли. Видимо, преступник пользовался глушителем. Лукьянова спала, когда он забрался в квартиру через окно.

– Через окно? Вы в своем уме? Тут же четырнадцатый этаж. – Гушин подошел к окну.

Катя тоже подошла, стараясь не глядеть на тело на диване. Стреляли с близкого расстояния. Прямо с подоконника, что ли? Стреляли, выбили глаз. Но в комнате же было темно, раз она спала...

Катя из-за плеча Гушина выглянула в окно. Створка открыта. Лукьянова сама могла оставить окно открытым, август, ночи душные. Но разбить такой стеклопакет трудно, шума много, значит, он должен был видеть, что окно открыто. А можно ли это увидеть снизу, со двора, тем более ночью в темноте?

Было так высоко, что у Кати закружилась голова. Как он, этот убийца, проник сюда? Снизу – невозможно. Сверху, с крыши? Но там еще пять этажей. Катя, стараясь не дотрагиваться до подоконника, где могли остаться следы, отпечатки, высунулась наружу. Жить на такой верхотуре и быть убитой... Вон галка летит... И ЭТОТ, что ли, тоже прилетел? Галка что есть силы крыльями машет, летит, летит... ЛЕТИТ УЖАСНЫЙ БАРМАГЛОТ И ПЫЛКАЕТ ОГНЕМ... Ночной бармаглот, убийца с пистолетом неизвестно пока какой системы. Грабитель? Столько усилий, такой риск, чтобы проникнуть и... Что же он взял отсюда, украл?

– Преступник проник через окно, – твердо сказал старший группы, – наши сейчас крышу осматривают. Он ведь не только попал сюда через окно, он и ушел отсюда таким же способом.

– Что? А дверь? – Гуцин кивнул в сторону прихожей.

– Дверь была закрыта изнутри на два замка, на засов-здвижку и на цепочку. МЧС тут почти полтора часа работало, вскрывало. Дверь железная. Лукьянова заперлась на ночь, но это ее не спасло.

– Время смерти примерно?

– Приблизительно около трех часов ночи. Она спала, – ответил судмедэксперт.

– Соседи выстрелов не слышали?

– Мы опросили всех – на лестничной площадке, снизу, сверху. Никто выстрелов не слышал. Был глушитель – однозначно.

– Но кто-то что-то, может, все же слышал, заметил?

– Там с жильцом с двенадцатого этажа наши разговаривают. Вроде он...

– Что из квартиры пропало? – Гуцин пристально осматривал окно.

– Мобильного телефона ее мы не нашли пока, деньги – сумка там ее в прихожей вывернута, кошелек нет.

– Ювелирка?

– Не проверили еще.

– Проверьте. У такой женщины, которая деньги на покупку квартиры нашла, должно быть что-то – колечки, золотишко. Он, этот подонок, он ведь тут что-то искал, по ящикам вон шарил. Не за мобильником же он сюда явился...

– Компьютера я не вижу, – тихо сказала Гуцину Катя, – дискеты разбросаны, диски, возможно, у нее был персональный ноутбук.

Эксперты положили тело потерпевшей на пол. Белая шелковая ночная рубашка была вымазана кровью. Черное постельное белье сняли, аккуратно запаковали – пойдет на экспертизу.

– Кот ее где, который шум поднял? – спросил Гуцин.

– Соседка пока забрала.

– Пойдемте, потолкуем с соседкой.

Соседка из двухкомнатной квартиры, расположенной рядом через стену, встретила их на пороге – испуганное серое лицо.

– Мы встали утром... И тут слышу – Дейзи орет так страшно, так по-звериному утробно орет... Дейзи у нее был просто чудо, персидский котик, такой ласковый, а тут вдруг точно с того света... Я позвонила в дверь Вероники, никакого ответа, а Дейзи совсем бешеный стал. Я снова позвонила, потом соседу позвонила, но он на работу опаздывал. Он мне сказал, вызывайте милицию, «Скорую», может быть, ей плохо, инфаркт. – Соседка покачала головой. – Господи боже, бедная... мы же только вечером с ней ехали в лифте. Она с покупками была, веселая. На такси приехала с покупками. У нее вообще деньги водились.

– Она где работала?

– Я точно не знаю. Но у нее работа была не такая, как у меня, когда целый день с десяти до семи. Она когда ходила, когда – нет. Но деньги у нее всегда были. В фирме, наверное, какой-то, она особо не распространялась на эту тему.

– А родственники ее? Родители?

– Не было у нее никого, одна она была. И мужа, как видите, не было.

– Но мужчина какой-то был, приятель?

– Не могу сказать. Я тут у нее никого не видела.

– А подруги?

– Тоже не бывали тут, хотя по телефону по мобильному ей кто-то часто звонил. Бывало, она еще из подъезда не выйдет, а ей уже трезвонят.

– Ювелирные изделия она носила?
– Да, конечно. Кольца, дорогие часы, очень дорогие, и еще что-то было – я не помню точно. Часы были на ней вечером накануне.

– Часов, кажется, нет, – сказал Гушин Кате, когда они вышли на лестничную клетку. Сюда привели еще одного соседа с двенадцатого этажа. Молодой парень, совсем молодой.
– Вот гражданин говорит, что поздно вернулся вчера вечером и спать долго не ложился, по Интернету блуждал, – доложил оперативник.

Гушин кисло глянул на свидетеля.

– И что вы видели? – спросил он недоверчиво.

– Лично я ничего не видел. И выстрелов не слышал никаких. Я слышал мотоциклиста.

– Какого мотоциклиста?

– А я откуда знаю? – парень пожал плечами. – Придурок какой-то в два часа ночи промчался. Такая грохотуха, точно «Боинг»...

– Он что, въехал во двор – этот ночной мотоциклист?

– Понятия не имею. Нет, это с улицы шум шел.

– И во сколько это было? В два ночи?

– Скорее в половине третьего.

– С улицы шум... – хмыкнул Гушин. – Вот тебе и очевидцы. Ночью в доме, полном жильцов, убивают, грабят человека, а никто ничего, ни бельмеса. Одна зато кошку драную услышала, другой мотоцикл... При чем тут мотоцикл?

– Федор Матвеевич! – окликнули Гушина из квартиры.

Катя следом за ним протиснулась в переполненную сотрудниками милиции прихожую.

– Мы закончили осмотр крыши, – доложил оперативник. – В принципе следов присутствия, ярко выраженных, не обнаружено. Однако... Дверь на чердак вскрыта. Когда вот только вскрытие произошло, представитель ДЭЗа затрудняется сказать, то ли это антеннщики, которые там работали, все так оставили, то ли... Ну, в общем, сначала антенщиков придется допросить. Ну и еще обнаружено вот что. – Он протянул запакованный в прозрачный пластиковый пакет какой-то металлический предмет.

Катя никогда ничего подобного не видела – похоже одновременно на стального «крокодила» и на мощную прищепку. Вещдок взял в руки прокурор.

– Это карабин, предмет альпинистского снаряжения, – сказал он. – Я сам в молодости альпинизмом увлекался. Это что-то новое, продвинутое. Где вы это нашли?

– На крыше возле ограждения. Почти над самым ее окном.

– Вы что хотите сказать, что он спустился с крыши? Преодолеl пять этажей, а потом после всего поднялся туда наверх? – сказал Гушин.

– При наличии современного альпинистского оборудования и хорошей подготовки это возможно, – ответил прокурор.

– Альпинистская подготовка у вора-домушника?

– Вор-домушник на практике редко пользуется пистолетом с глушителем. А этот воспользовался. Причем сразу, она даже проснуться, крикнуть не успела. – Прокурор взвесил на ладони карабин. – Сейчас целая служба такая есть, между прочим, – промышленный альпинизм, работа на высотных зданиях. Вот с этих высотников, пожалуй, и начнем проверку.

На лестничной площадке Катя снова столкнулась с соседкой из смежной квартиры. Та наблюдала, как выносили тело Вероники Лукьяновой, упакованное в черный мешок на «молнии». К груди она прижимала рыжего взъерошенного кота. Плоская персидская мордочка его теперь, после всего, выражала тупое равнодушие к происходящему. Кот был единственным реальным свидетелем. Он все видел и все знал.

Он видел БАРМАГЛОТА. Но рассказать об этом «на протокол», увы, не мог.

Глава 7

Гай

Олег Купцов по прозвищу Гай проснулся со странным чувством выполненного долга. Это было ощущение почти удовольствия, почти счастья. Но длилось это всего несколько секунд, пока он лежал с закрытыми глазами, отрешенно вспоминая что-то... пытаюсь вспомнить...

Потом он перевернулся на бок, вдохнул, и волшебное чувство исчезло. Рядом в постели была его жена Лена. Она спала, раскинувшись, выпростав из-под одеяла полные загорелые руки. Гай чуял запах ее тела.

Он сразу встал с постели и направился в ванную. Включил воду, выдавил на ладонь мятную зубную пасту, поднес к носу. Запах мяты перебил запах женского пота, смешанного с запахом крема, которым его жена ревностно умащивалась перед сном.

Гай был многим обязан своей жене. И никогда не позволял себе об этом забывать. Пять лет назад они поженились. Познакомились в ночном клубе. Он и представить не мог, что Лена дочь такого высокопоставленного отца. Отец был министром правительства Молдовы. Но Лена жила не в Кишиневе, а в Москве. Москвичкой была ее покойная мать, с которой отец-министр был в разводе. Квартиру матери на Ломоносовском проспекте Лена продала не задумываясь, чтобы он, Гай, на вырученные деньги мог начать свой бизнес. Именно благодаря жене он стал владельцем тренажерного зала, где занимались культуристы, и зала для фехтования.

С отцом Лены Гай виделся лишь однажды – тот прилетел на их свадьбу. И потрясенный разразившимся грандиозным скандалом, даже не попрощавшись, улетел прочь. В последующие годы Гай знал о своем тесте немного: что он вышел в отставку, лишившись министерского портфеля в правительстве, стал попивать, потом умер от внезапной остановки сердца.

Собираясь жениться на Лене, Гай был готов принять ее домашних – всех без исключения, отца же в особенности. Тогда, пять лет назад, хотелось верить, что пожилой умный человек – его тесть – сможет заменить ему... ну, скажем, попытается заменить ему того, о ком он боялся порой даже думать.

Но отца из тестя не вышло.

Гай мазнул зубной пастой по верхней губе. Так вот лучше, запах стал резче: мята, свежесть, не то что...

Острое, какое-то ненормально острое, изощренное обоняние было его особенностью и почти что наказанием. Возможно, он зарывал свой талант в землю, возможно, из него бы получился еще один великий ПАРФЮМЕР, достойный нового модного романа. Он об этом как-то не думал. Он все это презирал. Он многое презирал в этой жизни.

Странно, но пять лет назад после знакомства с Леной жизнь его обрела некий смысл, которого до этого он ни в себе, ни в окружающем его мире не ощущал. Лена была умна и великодушна к нему, она была на шесть лет его старше, и, наверное, поэтому в отношении к нему у нее всегда было что-то материнское и одновременно жертвенное. Был только один недостаток: Лена была безмерно ревнива.

Тот эпизод на их свадьбе, так разгневавший и шокировавший ее отца...

До знакомства с Леной у него были женщины. Много женщин. Их всегда вокруг него было много, хотя он вроде никогда особо не ухаживал, не добивался, не давал никаких авансов и обещаний. Но они вились вокруг него роем. Что-то в нем их притягивало как магнитом. До знакомства с Леной он жил с некой Жанной – богемного склада девицей, которая до этого была подружкой одного известного на всю Москву рокера. Гай и представить себе не мог, что эта Жанна, которая меняла мужиков как перчатки, так на него упадет. Начнет закатывать такие сцены ревности, изображать суицид, грозя покончить с собой, если он к ней не вернется.

Все это было мороком и самообманом. В конце концов Жанна прекрасно сумела прожить и без него. Сейчас, например, она всем довольная рыхлая дебелая тридцатилетняя домохозяйка. У нее муж и двое детей, собака, попугай, дача. А тогда... тогда она давала ему жизни... Точнее, пыталась сломать эту его новую, только-только завязывающуюся, наклеывавшуюся, как весенняя почка, жизнь с Леной.

Жанна явилась к ним на свадьбу – прямо в ресторан. И, выкрикивая проклятия, матерясь, понося и жениха, и невесту, полоснула себя бритвой по венам. Она и прежде такое устраивала: надрез чуть-чуть, а крови – лужи, а еще больше бабьего визга, суеты и слез.

Она прокляла их свадьбу. Гай до сих пор помнил слово в слово то, что она выкрикивала там, в ресторане, в истерике. **ПОЧЕМУ ИМЕННО ЭТО? КАК ОНА ДОГАДАЛАСЬ? ОТКУДА УЗНАЛА? ИЛИ, БЫТЬ МОЖЕТ, КТО-ТО ЕЕ НАДОУМИЛ?**

Отец Лены отчего-то тогда решил, что девица беременна от него, Гая. И пришел в ярость. Но ни о какой беременности речь не шла. Жанна была не прочь залететь от него, чтобы потом женить. Лена тоже все эти пять лет жаждала иметь ребенка. Но ничего не получалось. И, кажется, не по ее вине. Да, как-то в запальчивости во время одной ревнивой ссоры, которую она устроила ему из-за позднего звонка его верной секретарши Надежды Петровны, она выкрикнула ему: мол, не очень-то о себе воображай, мачо, сволочь. То, что у нас нет ребенка, – это вовсе не моя вина, а твоя, можешь спросить у врача!!

То, что она в гневе часто называла его сволочью и подонком, ничего в принципе не меняло. Он знал, что она любит его. И любовь эта была подобна болезни, возможно смертельной.

Сам он ребенка, их ребенка, а может, от какой-то другой женщины, например от его теперешней любовницы Лолы – темпераментной и горячей, как печка, и желал и страшился одновременно. Если бы ребенок, его потомство появилось на свет, он бы... он бы принял его, конечно, принял бы – любим. Вообще очень хотелось бы узнать, **ЧТО МОГЛО ПОЯВИТЬСЯ НА СВЕТ ОТ НЕГО.**

Но ребенка не было ни у одной из его бесчисленных женщин. И причина действительно крылась в нем самом. А может, это было и к лучшему, возможно, в этом проявлялось к нему какое-то высшее милосердие. Ведь как угадаешь, **ЧТО** или **КТО** родится от того, на кого родная мать дважды покушалась задушить во младенчестве. Кому она кричала, пытаясь добраться до его горла, как разъяренная бешеная фурия: **убейте его! Убейте ублюдка! Убейте зверя!**

Что-то похожее про ублюдков вопила и Жанна там, в ресторане, щедро угощаясь острой бритвой, заливая алым крахмальные скатерти. А еще она кричала о **ВОЛКАХ** и о свадьбе – проклятой волчьей свадьбе.

Ее тогда вывели из зала силой, вызвали «Скорую», отправили в больницу. Лена как-то все это сумела пережить, превозмочь. Даже его успокаивала: бывают такие психопатки, что поделаешь.

Он и за это ей был благодарен безмерно. Он нес ее на руках до машины. Они уезжали на медовый месяц в арендованный на территории Истры Холлидей-коттедж для молодоженов.

Что же случилось с ним там? Он так и не понял. Натура ли его была тому причиной? А может, это проклятие? Или, возможно, то, что они с Леной до свадьбы не жили вместе, бок о бок, а только встречались, занимались любовью, а потом расходились, разъезжались до новой встречи?

Ночь их была бурной. У него всегда был какой-то бешеный болезненный неистовый секс со всеми его пассиями. Они потом – измочаленные, счастливые, притихшие, потерянные – смотрели на него как-то странно. Что-то появлялось в их глазах животное, преданное, собачье. Он понять этого не мог, да и не старался. Они просто прилипали к нему, прикипали кровью и плотью. Так было и в ночь после свадьбы. Лена даже плакала потом. Шептала: ничего, ничего, это от счастья...

Затем они завтракали и снова занимались любовью, потом, кажется, гуляли. Он катал Лену на мотоцикле. У него тогда был еще не такой роскошный «Харлей-Дэвидсон», модель попроще, но он и на нем умел показать себя перед любимой женщиной, женой.

Он и относился тогда к ней как к любимой и жене. И ничего такого не чувствовал.

А потом он испытал шок. Вернулся в коттедж с бутылкой вина из гостиничного бара. Вернулся и ощутил зловоние. Его накрыло словно волной. В туалете горел свет. И он сразу понял, что Лена, его жена, была там в его отсутствие, воспользовалась его уходом, чтобы... Это было совершенно обычное житейское дело. И к этому предстояло привыкнуть, раз уж они стали жить вместе, одной семьей.

Но этот ужасный, дикий смрад, запах чужой утробы, чужого дерьма, смешанный с вонью туалетного ароматизатора...

Он выскочил за дверь. Он был в панике. Он не ощущал ничего, кроме отвращения и гадливости. Такого отвращения, что из-за него можно было убить, прикончить, только бы не чують носом по-звериному этот ужас, эту вонь...

Он был сильным, и он справился тогда с собой. Вернулся, заставил себя вести как ни в чем не бывало. И потом все последующие пять лет...

Лена ради него, не требуя никаких бумаг, обязательств, обещаний, продала квартиру своей покойной матери. Он всегда хотел иметь что-то вроде спортивного клуба или тренажерного зала. И она позволила ему осуществить его мечту. Он был благодарен ей и никогда этого не забывал. Он по-прежнему относился к ней как к любимой, как к своей жене.

Но каждый раз, возвращаясь домой, в их квартиру, которую Лена превратила в такое стильное уютное современное гнездо, он чуял... по-звериному чуял все эти ее запахи: пот, слизь, вонь несвежих чулок, грязного белья в критические дни, лак для волос, лак для ногтей, духи, крем для тела, крем для лица, желудочную отрыжку, оливковое мыло, мочу...

Она была живым существом, и пахло от нее, как от живого существа. И не ее вина была в том, что он чуял, как волк, то, что нормальный обычный человек учують бы не мог.

Эта вот мятная паста. Она была своеобразным противовесом. Или наркотиком.

– Гай, ты где?

– Я в ванной.

Она проснулась, подала голос. Она всегда была чуткой и заботливой, всегда спала вполглаза, словно карауля его...

– Тебе что, плохо?

– Мне хорошо.

– Сейчас еще так рано...

– Спи, Лена.

– Ты точно в порядке?

– Я же сказал тебе.

– А те таблетки... ты их принимаешь?

– Да.

– Деметриос говорил мне, что курс нельзя прерывать, иначе никакого эффекта не будет.

– Спи, я сейчас.

Жена была очень заботливой. Когда с ним что-то стало совсем уж НЕ ТАК, именно она нашла ему психотерапевта – Игоря Деметриоса. И настояла, чтобы он стал его пациентом.

Гай открыл дверь ванной. Из спальни до него дошла волна запаха – ее запаха. Это было что-то живое, тухлое и теплое, слишком похожее на логово.

На их общее логово.

Глава 8

О пользе сквернословия

Насчет убийства в Красногорске Катя начала звонить в местный уголовный розыск на следующий день прямо с утра: что, как, есть ли новости. Из всего она хотела слепить небольшой репортаж для криминальной хроники недели в «Вестнике Подмосковья». Но новостей и подвижек в расследовании не было. Оперативники хмуро подтвердили одно: убийство совершено с целью ограбления. Из квартиры пропали деньги, золотые часы потерпевшей «Омега» и, судя по всему, портативный ноутбук, а также мобильный телефон.

– По крайней мере, во время осмотра этих вещей мы в квартире не нашли. А они были, это соседи подтверждают.

Катя так и озаглавила файл с черновиком – «рыбой»: убийство с целью ограбления. Вяло набрасывала текст. Ничего сенсационного, было-перебыло уже такое, вламывались в квартиры, грабили, но...

Ей вспомнился дом потерпевшей Вероники Лукьяновой. Зеленая башня-новостройка. Четырнадцатый этаж, а всего девятнадцать. И при этом убийца рискнул спуститься с крыши при помощи какого-то там горного снаряжения. Прокурор вон промышленный альпинизм вспомнил...

Она снова перезвонила в Красногорск. На этот раз начальнику ОВД. Спросила, проверяются ли фирмы, предоставляющие услуги промышленного альпинизма – починку крыш, мытье окон в высотных зданиях, установку спутниковых антенн.

– У нас всего одна такая фирма зарегистрирована, Екатерина Сергеевна. Клиенты ее все в Москве, на территории района фирма не работает. Мы начали проверку, но прошу вас: пока об этом в прессу не давать ни слова.

– Конечно, конечно, – Катя вздохнула. – А что с баллистической экспертизой?

– Эксперты работают.

Это означало, что результаты будут лишь дня через три-четыре. Катя не знала, что писать дальше по этому делу. Способ проникновения, конечно, стоило бы обыграть. Не каждый раз такие вот люди-пауки попадают среди воров-домушников. Не часто среди воров попадают и убийцы. А этот начал стрелять, видимо, сразу, едва приземлившись на подоконник во всем своем альпинистском снаряжении. Но в комнате ведь было темно. Три часа ночи – самый глухой час. Получается, что и тьма ему, бармаглоту, не помеха. Увидел, что жертва его спит на диване, и начал стрелять, воспользовавшись глушителем. А до этого, прежде чем лезть на крышу и оттуда спускаться, он должен был увидеть, что окно на четырнадцатом этаже открыто. У Лукьяновой стоял стеклопакет, и его, по словам полковника Гущина, бесшумно не высадишь. Значит, он должен был знать наверняка, что окно на четырнадцатом этаже открыто. А можно ли увидеть это со двора?

Катя вспомнила, как вчера она пыталась проверить это там, во дворе многоэтажки. Запрокидывала голову, вперялась ввысь. Днем окно было видно. Но вот ночью как? Двор, по словам жильцов, плохо освещен. Фонари хоть и горят, но тускло. А громада дома в три часа ночи, когда все окна погасли, вообще не просматривается.

Так как же бармаглот смог увидеть, что путь для него открыт? Все это внушало какую-то смутную тревогу. Даже сейчас, днем, в кабинете главка Катя чувствовала себя, разбирая этот вроде бы совершенно обычный случай разбойного нападения с убийством, как-то не в своей тарелке.

А вечером дома она вообще, помнится... Хотя был душный августовский вечер Катя, вернувшись из Красногорска, не решилась открыть ни балкон, ни окно. Укладываясь спать,

она раза три проверила замок на двери. Проверила, закрыт ли балконный шпингалет. Ей вдруг пришла мысль, что в ее квартиру проникнуть гораздо легче, чем в квартиру этой самой несчастной Вероники Лукьяновой. И уверенности ей от этого открытия, увы, не прибавилось.

Она долго не могла уснуть, чутко прислушиваясь ко всем звукам ночи: к стуку лифта, к шуму машин на набережной, к гудкам барж на Москве-реке. В три часа ночи она внезапно проснулась, хотя вроде бы для этого не было никаких причин. Ни шороха, ни шума, ни скрипа. Ничего такого она не услышала. Но все равно никак не могла потом глаз сомкнуть, замирая в постели от какой-то непонятной, сжимающей сердце тоски.

Одна... Совсем одна в пустой квартире без Вадьки, без Драгоценного... Без защиты, без помощи. Случись что, не дай бог – бесполезно кричать, никто не услышит, не спасет.

Ощущение было таким болезненным, таким острым. Страх... Это даже еще не сам страх, только преддверие его. Но от этого было не легче, а лишь труднее.

Утро вроде бы все поставило на свои места, однако сейчас, солнечным полднем, сидя в своем служебном кабинете, занимаясь привычным делом, Катя почувствовала себя скверно. Мысль засела в голове гвоздем: вот настанет вечер, скоро настанет, и все это привычное кончится. И надо будет снова возвращаться домой, в пустую квартиру. И запирается на все замки. И задыхаться без воздуха, потому что страшно открыть на ночь окно. Ночной убийца, забирающийся в спящие квартиры, спускающийся по тросу с крыши убийца-бармаглот на свободе. Он на свободе. И его следующей жертвой может стать кто угодно, в том числе и ты, и ты, и ты...

Катя оттолкнула от себя ноутбук. Хватит, довольно. Нельзя делать свою работу, описывать реальные преступления и при этом бояться того, что пишешь, того, что видела, того, что знаешь. Это просто страх, фобия. Очередная фобия. Сколько их было – этих фобий. Например, она боялась летать на самолете. А еще боялась толпы. И потом еще была одна фобия. И с ней ей помог справиться замечательный парень, талантливый психолог-психотерапевт Игорь Деметриос.

Она вспомнила о нем и как-то сразу успокоилась. Вот кому она позвонит, как только закончит репортаж с места происшествия для «Вестника Подмосковья».

С Деметриосом она познакомилась на служебных занятиях в главке. Служебные занятия для личного состава проходили в большом зале в форме тематических лекций. В тот раз темой для оперативных служб был битцевский маньяк. Кроме сотрудников прокуратуры и криминалистов в занятиях принимал участие и психолог-психотерапевт Игорь Деметриос. Второй раз Катя столкнулась с ним уже по делу фирмы «Царство Флоры». Деметриос в составе комплексной бригады экспертов участвовал в психическом освидетельствовании обвиняемого Тихомирова. То дело, помнится, трудно далось Никите Колосову. Расследование едва-едва не приняло трагический оборот. Катя запомнила «Царство Флоры» надолго. В ту ночь, когда Колосов пытался задержать убийцу, еще не зная, что это Тихомиров, Катя пришла на помощь Колосову. У нее в руках тогда было оружие, точнее, пистолет-зажигалка...

Она долго помнила то странное чувство, с каким она приставила этот свой пистолет-обманку к затылку Тихомирова. И чувство, с каким нажала на спусковой крючок. Пистолет был поддельный. И только поэтому преступник остался жив, не пострадал. Иначе ему бы разнесло череп. Катя помнила себя в тот момент. И воспоминания эти не давали ей покоя, пугали ее [Подробно об этом читайте в книге Т. Степановой «Царство Флоры», издательство «Эксмо»].

Колосов хвалил психолога Деметриоса: мол, толковый парень. Умный, проницательный. «Сейчас этих психологов навалом, – бурчал он. – И семьдесят процентов дураки набитые, толку от них в тех вопросах, которые нас, сотрудников милиции, интересуют, не добьешься, а от Игоря Юрьевича есть польза. Ты не смотри, что он весь такой навороченный, он работы не боится. Он санитаром в больнице имени Ганнушкина начинал, затем ординатором в институте Сербского вкалывал, в психбольнице закрытого типа практику проходил, кандидатскую

писал, потом только частную практику открыл. С ним советоваться по любому вопросу можно, поможет, подскажет».

Тогда Катя решила посоветоваться. Деметриос пригласил ее на прием. Офис он снимал в двух шагах от Никитского переулка, где располагался главк, – в переулке Калашном, выходящем на ту же Никитскую улицу.

«Я могла убить того человека, – призналась ему Катя. – Могла и хотела. Я хотела его прикончить. У меня было такое чувство в тот момент, словно я... словно я его палач и привожу смертный приговор в исполнение».

Они долго беседовали. Игорь Деметриос разительно отличался от коллег Кати. На первый взгляд (очень поверхностный взгляд) это был молодой хлыщеватый франт в дорогих потертых рваных джинсах и белой рубашке – кудрявый грек с темными глазами-маслинами и пухлым капризным ртом. Катя хотела было воспринимать его как душку-доктора, кумира пациенток с неуравновешенной психикой из числа жен предпринимателей средней руки и скучающих домохозяек. Но Деметриос, видимо, не зря проходил практику в институте Сербского и спецбольнице. На кумира домохозяек он походил мало.

– Катя, вам понравилась ситуация, когда вы контролировали чужую жизнь, имели власть над этой жизнью. И вы боитесь, что это повторится снова – это ваше чувство? – спросил он.

– Я не знаю.

– Это не ответ. Подумайте.

– Да, я боюсь, что это повторится. Со мной никогда прежде ничего подобного не было. И я не хочу, чтобы было...

– Примерно две трети взрослых, адекватных, хорошо социально адаптированных людей примерно раз в жизни испытывают то же самое, что и вы, – хотят, жаждут кого-то убить, прикончить, размазать по стенке: шефа на работе, сварливую жену, счастливого соперника, хама в очереди.

– Вы смеетесь?

– Желать чего-то – не значит делать. А бояться чего-то – не значит идти на поводу собственного страха. Вы стыдитесь того ощущения, которое испытали? Вам страшно от того, что об этом кто-то узнает из посторонних?

– Нет, но я бы не хотела, конечно...

– Вам стало бы легче, если бы вы узнали, что подобное чувство стыда и страха испытывает кто-то еще?

– Не знаю.

– Это тоже не ответ.

– Возможно... Я бы знала наверняка, что я не одна такая. Мне бы стало как-то легче...

Деметриос предложил ей прийти к нему на повторную консультацию. И в этот раз Катя была уже у него не одна. На приеме присутствовала девушка по имени Александра – очень стильная, стройная, длинноногая, печальная и мрачная. Деметриос беседовал с ними обеими, и на этот раз долго – вроде бы о самых разных вещах. А потом в разговоре как бы между прочим предложил рассказать им – друг другу их истории. ПОДЕЛИТЬСЯ ДУШЕВНЫМ ГРУЗОМ. И Катя внезапно как-то легко, преодолев смущение и зажатость, поделилась с незнакомкой Александрой. И рассказ вышел даже каким-то залихватским: вот, мол, как было дело, я, сотрудник милиции, задерживала опасного преступника, убийцу, на чьей совести были жизни нескольких человек, который покушался на жизнь моего коллеги, моего друга, и я... я так хотела, я так желала убить, прикончить его во время этого задержания.

Выпалив, выдав все это в присутствии Деметриоса и его пациентки, Катя почувствовала, как ей стало легче. Так бывает, когда рыбная кость застревает в горле, и колит, и беспокоит, и терзает вас, а потом вдруг эта самая кость «проходит» внутрь, проталкиваемая в горло порцией хлеба и воды. И наступает покой.

Пациентка слушала ее напряженно, изредка переспрашивая. Потом начала свою историю: «Если бы я была мужиком, если бы я только родилась мужиком, я бы насильовала всех женщин, которые мне попадались. Беспощадно насильовала бы – всех телок, всех баб, всех этих драных подзаборных шлюх!»

Когда она все это выдавала на-гора, щеки ее пылали, а тоненькие пальчики в золотых кольцах сжимались в кулаки.

И вот тогда Катя подумала: да, пожалуй, Деметриос прав. То, что выглядело как СТРАХ, ваш персональный страх, то, что казалось страхом, на деле в сравнении не так уж и ужасно. Есть еще более причудливые фобии, странные, прихотливые, убийственные страсти, постыдные желания. Вы, дорогуша, Екатерина Сергеевна, еще счастливо отделались. А раз это так, то...

В общем, шоковая психотерапия помогла. И Катя осталась благодарной доктору Деметриосу.

Фобия ночного одиночества в собственной квартире была ерундой по сравнению с той, излеченной фобией. Но все же Катя решила Деметриосу позвонить. Поход к психотерапевту – чем не занятие? Все повод время скоротать. Она ведь обещала Драгоценному, что не будет скучать, а профессиональные ее дела, увы, как она убедилась, ничего такого интересного, захватывающего пока не сулили. И разве кто-то не сказал ей совсем недавно, словно давая «совет по жизни»: ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ.

– Екатерина? О, рад вас слышать, – голос Деметриоса был оживленным, ужасно деловитым. – Как дела, как успехи в борьбе с криминалом? Сколько уголовных скальпов в вашей трофейной сумке?

– Ни одного, увы, неважные успехи, Игорь Юрьевич. И вообще, как-то все... Мы не могли бы встретиться?

– Ничего нет проще. Так, сейчас посмотрю... Я всего неделю как из отпуска, в Лондон ездил, так что в рабочий ритм пока сам с трудом вхожу... Ираида Викторовна, – крикнул он кому-то звонко, – посмотрите по записи, сегодня на вечер у нас кто-то есть? На пять, на шесть часов? Нет? Екатерина, в половине шестого вам удобно?

Вот так Катя и напросилась к модному психологу-консультанту Игорю Деметриосу на прием. Проявленной инициативой она осталась довольна. И трудилась весь остаток рабочего дня, что называется, «с аппетитом». Под конец, когда надо было собираться к доктору-мозговеду, и прежний страх куда-то вдруг делся, и призрак тревоги и дискомфорта улетучился. Черт его знает, как бывает: то чувствовали себя прескверно, одиноко и потерянно, боялись пустой темной квартиры, ночи за окнами, а то вдруг раз! – и как корова языком всю вашу депрессию слизала.

В результате по родной Никитской улице в направлении Калашного переулка Катя неслась чуть ли не вприпрыжку. Вот кофейня во флигеле консерватории, тут всегда полна корбочка, и байкеры на крутых мотоциклах наезжают. Что-то было насчет мотоцикла такое... Ах да, там, в Красногорске, в ночь убийства Лукьяновой сосед слышал ночного мотоциклиста, но... Гушин сказал, что это к делу не относится, мало ли кто по ночам по свободной дороге гоняет. А вот Театр Маяковского, что там новенького на афише? Упс, ни черта, по сто лет одни и те же спектакли идут. Бывший клуб медиков, ныне театр «Геликон». И когда же здание отремонтируют, а то задохнешься со всеми этими лесами строительными и зеленой обмоткой.

На углу Никитской и Калашного переулка располагалась еще одна кофейня. К ней лепился желтенький двухэтажный особнячок. Офис Деметриоса занимал в нем на втором этаже две комнаты. На углу возле кофейни было скопление машин. Пыжился эвакуатор, подцепляя краном чью-то серебристую иномарку, кругом было полно водителей, спешно отгоняющих свои авто, рассовывающих их и по без того забитым транспортом переулкам.

Катя позвонила: «Я к доктору Деметриосу на прием». Дверь автоматически открылась, она поднялась по чистенькой лестнице и переступила порог приемной. Вроде все, как и год назад. Кожаный диван, кресла, столик, заваленный журналами и книжками, чтобы пациенты не скучали. Стойка ресепшн, но там перед монитором другая секретарша, не та, что была год назад. Тучная блондинка лет тридцати пяти: на бюсте – выставка бижутерии, в пышной причёске заколка со стразами, к уху прижат сотовый телефон.

– Здравствуйте, я на прием на половину шестого, – объявила Катя.

– Пожалуйста, присажива... – секретарша (Катя поняла, что эта та самая Ираида Викторовна) оторвалась от телефона и рассеянно глянула на Катю, потом на еще одного пациента, развалившегося в кожаном кресле, он перелистывал книжку, которую взял со стола. – Простите, у нас тут, возможно, накладка... на это время назначено... Ничего, не волнуйтесь, сейчас вернется Игорь Юрьевич и все уладит.

– А где Игорь Юрьевич? – спросила Катя.

– Только что вылетел как ошпаренный, – хмыкнул пациент с книгой. – У него там его тачку эвакуатор тырит.

– Сейчас он придет, подождите немного, – заверила секретарша и вернулась к прерванному разговору по телефону: – Алло, Алла, ты слушаешь... прости, тут отвлекли... так вот, я говорю, как-то это все чудно... Вроде она не собиралась никуда уезжать. Не позвонила мне даже. А я сама ей звоню, так телефон на квартире не отвечает, нет ее дома, а сотовый выключен. Может быть, она номер поменяла? Что? Ну да, ну да... конечно... или могла потерять, или украли... У меня в прошлом году портмоне вытянули прямо из сумки. И знаешь где? В «Манеже», когда я в лифт стеклянный садилась. Да, там толпа такая... всегда надо быть осторожной... Что? Ну конечно объявится, позвонит... Я и не волнуюсь, просто как-то странно, на нее не похоже совсем... Да, наверное, может, она где-то загорает на Кипре или в Анталии... вот именно... вот именно...

Катя уселась в кресло. Секретаршино «вот именно» журчало как ручей. Какие же все-таки трещотки, сплетницы эти офисные дамы. Эта, кажется, кого-то потеряла, приятельницу, что ли...

Она покосилась на пациента – конкурента. Ничего себе психический! Здоровый, мускулистый, на футболиста похож. Блондин и молодой. Конечно, старше ее, но молодой и очень даже симпатичный. Ямочка на подбородке... Но блондин. А она лишь недавно открыла для себя, что ей безумно, безумно нравятся брюнеты... Драгоценный, вон уехал, смылся, а брюнеты нравятся...

Пациент издал какой-то странный звук, то ли хрюканье, то ли придушенный возглас восторга и внезапно уткнулся в книгу. Плечи его затряслись. Он хохотал! Катя снова ощутила себя не в своей тарелке.

– Во пищет! – гоготнул пациент.

Катя скосила глаза на заглавие: С.Д. Довлатов «Заповедник». Издание дешевенькое, карманное.

– «...Итак, я поселился у Михаила Иваныча. Пил он беспрерывно. До изумления, паралича и бреда. Причем бредил исключительно матом. Трезвым я его видел дважды, – внезапно громко, восторженно процитировал пациент Деметриоса, – в эти парадоксальные дни он доставал коробку из-под торта „Сказка“ и начинал читать открытки, полученные им за всю жизнь. Читал и комментировал: „здравствуй папа крестный!.. Ну здравствуй, здравствуй, выблядок овечий...“ Выблядок овечий – это что же, как это понять – выблядок овечий?

Катя вдруг осознала, что ЭТО он спрашивает у нее. Обращается к ней, прося объяснить метафору Довлатова.

– Выблядок овечий, я что-то не пойму... На что ж это похоже, а?

– Что похоже? Простите, я... – Катя встала. Тут тебе, золото, не ведомственная чинная поликлиника на Петровке, тут приемная психотерапевта, а у него разный, ой какой разный контингент подбирается. У этого вон кулачищи какие. А сам не в себе, неадекватный. И ямочка на подбородке... Как кинется... еще придушит...

– Девушка, вы куда?!

– Я на минуту, мне нужно, я вспомнила. – Катя вылетела за дверь и бросилась по лестнице вниз. Там на углу доктор Деметриос с эвакуатором сражается. А сидеть ждать его в очереди с каким-то психом – мы так не договаривались. Она вспомнила лицо пациента, упивавшегося строкой Довлатова, и внезапно сама фыркнула. Это же надо... сама непосредственность... ове-чий как там его?

– Игорь Юрьевич!

Деметриос, только что отразивший подлую атаку эвакуатора на свою «Хонду», возвращался как аргонавт из похода.

– Девушка!..

Катя обернулась. Довлатовец-сквернослов стоял позади нее. Улыбался как невинный младенец.

– Это вы от меня, да? Ноги сделали?

– Ничего я не сделала.

– Сделали, сделали. Пулей. Подумали, вот...

– Ничего я не подумала. Вы вообще что ко мне привязались?

– Добрый вечер! Екатерина, Женя, всем добрый вечер. – Деметриос-победитель лучился гордостью.

– Отбились? – спросил сквернослов.

– Еле отбился. Ну, пришлось дать, конечно, зато машину оставили в покое. Идемте в офис. Катенька, тут накладка на половину шестого вышла, к моему великому огорчению.

– Так я лучше в другой раз, – сказал сквернослов.

– Нет, нет, ни в коем случае. Подождите в приемной, не больше десяти минут это у нас займет. – Деметриос подтолкнул сквернослова к лестнице. – Катя, а вы, пожалуйста, ко мне.

– Девушка не пойдет, она меня боится, – сказал сквернослов. – Такая гримаска у вас была... Катя.

– Что за вздор? Да будет вам известно, профессия Екатерины Сергеевны не для трусливых. Она капитан милиции, преступников ловит, криминал в бараний рог крутит. И лучше берите пока не поздно свои опрометчивые слова назад. Еще раз простите за накладку со временем, – сказал Деметриос Кате в своем кабинете уже совсем иным тоном (сквернослов остался ждать в приемной). – Мы с вами условились. А тут этот пациент позвонил внезапно. И я не мог отказать, потому что, если с ним тянуть – завтра приходите, он может вообще передумать, не прийти. А это очень, очень интересный случай. Я как специалист просто заинтригован. Мы познакомились в Лондоне. У меня еще два таких же интересных случая, и там я потихоньку начал уже разбираться, а тут пока совершеннейшая терра инкогнита... Может быть даже, мне для будущей докторской пригодится как случай, еще не описанный. И я не мог его упустить, не принять. Так что...

– Да я к вам потом приду, – быстро согласилась Катя. – И знаете что, Игорь Юрьевич, стоило мне вам позвонить, как... как все встало на свои места.

– Прежние проблемы? Снова беспокоят?

– Нет, просто муж уехал надолго, я одна, беспокойно как-то одной. А тут случай на работе – ночью женщину убили в своей квартире и... В общем, какие-то совершенно нелепые глупые страхи.

– Давайте встретимся завтра в...

– Завтра у нас брифинг в министерстве. Да я, собственно... совершенно по-другому уже себя чувствую. И этот ваш пациент меня рассмешил со своим Довлатовым. Может быть, все вообще прошло?

– Так, в любом случае вы мне звоните. Насчет ночных страхов... самый действенный способ – выпейте валокордина двадцать капель – вон аптека напротив, – Деметриос кивнул на окно. – Лучше всякого снотворного успокаивает. Перед сном включите музыку... вот возьмите, – он порылся в стойке и достал диск. – Чаплин, клоунская такая. И минут пять этот свой страх побудите, ну вытащите его из себя наружу, оглядите со всех сторон – музыка пусть играет, – постарайтесь перевернуть страх с ног на голову, отыщите в нем что-то комическое, смешное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.